

ГРИГОРИЙ ЗМИЕВСКОЙ

ЭХО ПОРТ-АРТУРА

Григорий Николаевич Змиевской

Эхо Порт-Артура

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54136191
Эхо Порт-Артура / Г.Н. Змиевской: Родина; Москва; 2020
ISBN 978-5-907332-48-5

Аннотация

Русско-японской войне 1904–1905 годов посвящена обширная литература. По форме это была локальная война, однако по содержанию и политическому значению она носила глобальный характер. С ней был связан целый клубок дипломатических шагов, борьба разведок, нарастающие международные проблемы империалистического характера, внутренние проблемы России, Японии и ведущих мировых держав (Англии, Германии, Франции, США и других).

Но проблемы рубежа XIX–XX веков не смягчились и сегодня, спустя столетие. Поэтому обращаясь к анализу событий, результатом которых стала столь неудачно для царской России завершившаяся война, невозможно не спроецировать их на сегодняшний день. Дальневосточный «котел ведьм» продолжает бурлить, и обстановка на тихоокеанском побережье России накаляется с каждым годом. Это не локальная напряженность, а решение нашей судьбы, поскольку в планах «мирового

правительства» – ликвидация России как государства и как этнического сообщества.

Содержание

Предисловие	6
Вместо введения	11
Глава 1. Фронтной репортаж, или Пора превратить информационную агрессию в настоящую информационную войну	15
Глава 2. Военный флот России – кость в горле у Запада	69
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Григорий Николаевич Змиевской Эхо Порт-Артура

© Змиевской Г.Н., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Предисловие

Минуло уже более 15 лет с того момента, когда возмущение нейролингвистическим враньем по поводу 100-летия Русско-японской войны усадило меня за письменный стол, чтобы выразить это возмущение на бумаге. Вначале это была статья в газете «Дуэль», где Юрий Игнатьевич Мухин просил сократить статью до размеров, пригодных для включения в один номер. Когда же я взмолился, что дальнейшее сокращение напрочь разрывает логику изложения, то он, затянувшись сигаретой, остро взглянул на меня и сказал: «Ну, что ж, если Вы такой писачий, то садитесь писать книгу, а я, так уж и быть, опубликую Вас с продолжением». Статья вышла в трех номерах «Дуэли» под названием «Забывтое сражение» и была посвящена сражению 28 июля 2004 года между Порт-Артурской эскадрой и главными силами флота микадо под командой адмирала Того в Желтом море. После этого сражения Порт-Артурская эскадра окончательно зависла в гавани до самой своей бесславной гибели. Но при всем том я решительно не согласился с официальной точкой зрения, что это сражение было нашим поражением. Ведь сам главным флотом микадо адмирал Того заявил, что «русские выиграли сражение» и приказал вывести броненосные силы из боя, а наша эскадра не потеряла ни одного корабля!

Но обещания надо выполнять! И я сел писать обещанную

книгу. Работа продолжалась больше года, за это время «бум» в общественном сознании поутих, но огромное количество материалов, которое мне пришлось переработать, устойчиво сформировало мысль о том, что эпопея Порт-Артура продолжается и сегодня. Поэтому я посвятил целую главу ситуации на Дальнем Востоке – уже на пороге не XX, а XXI века.

Книга не была издана в 2005 году. Пройдя долгий путь по различным редакциям, она почти везде встречала отзыв: «Да, очень интересно, мы Вам позвоним». Это обещание «позвонить» с поразительным постоянством не выполнялось. Не устарели ли сегодня те оценки, которые я делал в 2005-м?

Дорабатывая книгу (вот уже в 28-й раз), я убедился: «Нет!»

Завершив тогда разговор с читателем обсуждением визита Путина в Японию в ноябре 2005 года, я словно перенесся в год 2019-й, где на сегодня на повестке дня абсолютно те же вопросы, которые «торчали» и тогда. Давно ушел в отставку под шелест «пипифакса» тогдашний премьер Японии Дзюньитиро Коидзуми, Путин успел попрыгать из кресла президента в кресло премьер-министра и обратно, промелькнула вереница новых лиц в МИД Японии, только наш глава МИД С. Лавров продолжает сидеть в своем достаточно жестком, но привычном кресле. И вот фальшивые мелодии зазвучали с новой силой – на саммите АСЕАН в ноябре 2018 года Путин и теперешний премьер Японии Синдзо

Абэ договорились об активизации переговоров по мирному договору на основе Декларации 1956 года.

Расчихались ли они от вонючей пыли, покрывшей этот многократно аннулированный документ? Похоже, что нет. Видимо, надели хорошие респираторы. Тем более, что премьер Абэ еще в 2016 году выдвинул свой пресловутый «план из восьми пунктов», где в который уж раз выпячивается «возвращение» Японии южнокурильских островов. Лица меняются, слова остаются. Как и раньше, интерес к Курилам проявляют и американцы, в марте 2018 г. договорившиеся с Россией совместно строить на Шикотане электростанции. Очередная подлость дядюшки Сэма, под патронажем которого и так находится вся внешняя политика Японии, чрезвычайно озаботила японское руководство, выразившее по этому поводу протест и заявившее устами главы МИД Таро Коно, что, помимо Москвы, только Токио имеет право осуществлять экономические проекты на Курилах, и вмешательство «третьих стран» недопустимо.

Это, пожалуй, вызвало гомерический хохот в Белом доме – их записали в «третьи страны»! И кто? Многократно «изнасилованная» ими же «японская гейша»? Ха-ха-ха!

В преддверии визита Абэ в Москву в январе 2019 года Государственная Дума РФ рассмотрела законопроект о принципах рассмотрения территориальных претензий Японии. Документ фактически наложил вето на подготовку правовых актов по отторжению Курил от России. В Интернете

по этому поводу нашлось более 2 млн. откликов. И во всех – протесты по поводу торговли территориями России.

Сразу после пресловутого саммита АСЕАН последовало заявление Сахалинской областной Думы с решительным протестом против сдачи Курил, затем по стране с востока на запад прокатилась мощная волна протестных митингов, в том числе митинг 20 января в Москве накануне визита Абэ, собравший представителей всех политических течений. Резолюция митинга однозначно заключила: Россия велика, но лишней земли у нас нет. Курилы – русская земля!

Сразу после встречи Путина с Абэ 22 января состоялась встреча депутатов разных уровней с москвичами напротив посольства Японии в Грохольском переулке. Наиболее представительно выглядел депутатский корпус КПрФ. Выступили депутаты Госдумы Д. Парфенов и В. Рашкин, депутат Мосгордумы Н. Зубрилин, депутат муниципального Совета П. Тарасов. Получился настоящий митинг, собравший массу неравнодушных, защищающих честь и территориальную целостность России.

На совершенно законную акцию была пригнана чуть ли не дивизия полиции якобы для охраны мероприятия, но фактически для препятствования ему. Стена из автобусов и автозакв закрыла собрание от окон японского посольства. Затем стали монотонно гнусавить с призывами разойтись. Это не сработало. Тогда разошлись сами держиморды – стали хватать и паковать в автозаки участников акции.

Это в весьма выразительной форме продемонстрировало позицию официальных властей: ведь вся ползучая «японизация» Курил подпадает под статью УК РФ «Государственная измена». А соглашаться со своими собственными законами – ой, как не хочется! Вот и натравливают на людей тупых держиморд, бросая им кости «за преданность» и игнорируя то факт, что в виноватых оказались как раз бойцы за правое дело – те, кому дорога честь России. Но даже по самым провластным (читай: продажным) результатам опросов общественного мнения абсолютное большинство граждан России – против продажи Курил. А уж многократно униженные жители Дальнего Востока – и вообще почти на 100 % против любых компромиссов в территориальных притязаниях Японии. Клич «Курилы – русская земля!» мощно прозвучал по всей России.

Власти не могли не отреагировать на это. По итогам встречи 22 января последовал ряд успокаивающих заявлений, типа: «Никаких нарушений территориальной целостности России не будет!».

Но ведь после встречи Путина с Коидзуми в 2005 году звучало то же самое – буквально слово в слово! Посему: властям верить нельзя и успокаиваться тоже нельзя. Молоток над капсюлем дальневосточного детонатора продолжает висеть. Борьба за честь и достоинство страны продолжается.

И снова – вместо точки ставим многоточие...

2019 год

Вместо введения

История – огонь, а не остывший пепел!

Валентин Пикуль

Столетие русско-японской войны вызвало настоящий взрыв в российском общественном сознании – во всяком случае, в той его части, которая еще не растеряла своих извилин и болеет душой за честь и славу Отчизны. События давно минувших дней, вроде бы уже получившие должную оценку историков, почти растаявшие в дымке времени и заслоненные куда более масштабными грозами XX века в виде революций и мировых войн, вдруг настолько сфокусировали на себе такое внимание, что впору представить, будто оборона Порт-Артура идет сегодня и от ее исхода зависит судьба России. Случайно ли это? Никоим образом.

Сегодня мы живем в условиях войны, которая неизмеримо страшнее русско-японской – войны информационной. Война против нас ведется на уничтожение. В этой войне одна из важнейших мишеней – это наша героическая история. Показывая наше прошлое в кривом зеркале, враг стремится забить нам в подсознание убежденность в нашей неизбежной ущербности, ничтожности и обреченности – а, значит, в неизбежном уходе России с исторической сцены.

Русско-японская война используется при этом как

неоспоримое доказательство этой самой неизбежной российской ущербности – как же, ведь за всю войну не было выиграно ни одного сражения ни на суше, ни на море, и это при всем том, что стратегический перевес России над Японией изначально казался совершенно подавляющим. Эта парадоксальность мучительно переживается снова и снова каждым поколением.

Но в каждом поколении – свой тон переживаний. Сегодня это особый тон – мы обязаны дать достойный ответ вражьи́м информационным залпам. Знаменитая детская сказка о королевстве кривых зеркал на самом деле несет в себе взрослый и вполне современный смысл – сильнее оружия, чем правда, в информационной войне нет.

Сегодня получило широкое хождение словосочетание «манипуляция сознанием». Сплошь и рядом оно рассматривается как оболванивание с применением самых совершенных информационных технологий, целью которого является подталкивание к принятию запрограммированных решений, искренне выдаваемых за самостоятельные. Но! Само внедрение этого «нового» понятия есть информационная бомбардировка с целью ликвидации сознательного восприятия действительности. Запущен даже более витиеватый и совсем уж наукообразный термин – нейролингвистическое программирование.

Уф! Результаты – на каждом шагу.

Щуплые подростки обоего пола, изрыгая ненормативную

лексику, по сравнению с которой Эллочка-людоедка – чистый Цицерон, сосут пиво «из горла» непременно в общественных местах и изображают при этом ненасытную жажду, хотя при наличии таковой оную бутылку можно выпить залпом, а не тянуть по капле, норовя забрызгать окружающих, и оставлять на самом видном месте недопитой. Попробуйте спросить: «Зачем вам это? Ведь пива-то совсем не хочется, к тому же холодно и пить неудобно!» Ответ запрограммирован: *чтобы не дать себе засохнуть!* Бессмыслица полная, но массовая.

Бабулька, еле переставляющая ноги, только что старательно рывшаяся в помойке, в день выборов вдруг молодеет лет на двадцать и с увлажнившимся от светлых устремлений челом рвется голосовать за Путина. Попробуйте спросить: «Чем он вас так очаровал?» Почтенная пенсионерка посмотрит с укором и даст ответ, который тоже запрограммирован: *а за кого же еще голосовать?* Совсем недавно бабульки и дедульки вот точно так же, с просветленным взором голосовали за Ельцина. Большинства из них уже нет в живых, но – бессмыслица полная и массовая.

Приведение примеров, как известно, не есть доказательство. Но оно может вполне служить опровержением. Опровержением хотя бы того, что вся наукообразная мерзость, призванная уничтожать в людях людей, то есть личности, и делать их одноклеточными, возникла как достижение сегодняшнего дня. Все это давно известно, господа, и разра-

батывалось куда более серьезными людьми, чем сегодняшние «манипуляторы» и «нейролингвисты». Да, технические средства для этого сегодня используются помощнее, чем вчера. Но методы не несут в себе ничего нового.

Нет никакой «манипуляции сознанием». Нет никакого «нейролингвистического программирования». Есть *буржуазная пропаганда, утверждающая насилие через обман* .

Одним из наиболее эффективных способов воздействия на личность с целью ее уничтожения – ликвидация исторической памяти. Способ древний. Не случайно история всегда считалась самой субъективно-идеалистической областью человеческой умственной деятельности, пока не появился исторический материализм. Теперь его изо всех сил норовят затоптать, объявить устаревшим, изжившим себя, не оправдавшим надежд и т. п. И делается это с тем большим остервенением, чем более становится очевидным, что анализ исторического опыта именно с *научных* позиций (а это и значит – позиций исторического материализма) позволяет по-настоящему понять то, что происходит *сегодня* и дать научно обоснованный прогноз на *завтра*.

История делает человека гражданином – это об истории, изучаемой научно. История может уничтожить в человеке человека – это об истории, показываемой в кривом зеркале.

Глава 1. Фронтовой репортаж, или Пора превратить информационную агрессию в настоящую информационную войну

*Кого нам хвалит враг, в том верно проку нет.
И.А. Крылов*

Вряд ли можно привести более яркий пример «кривозеркальной» истории, чем то, что преподносят «манипуляторы» в «Исторических хрониках» Сванидзе, «Русском выборе» Н. Михалкова и ряде подобных же «телепроектов». Возьмем одну из передач Сванидзе за отправную точку. Это, безусловно, всего лишь капля в море «нейролингвистики». Но в этой капле отражается весь подлый мир буржуйских «манипуляторов». Мерзкая физиономия г-на Сванидзе сама по себе не заслуживает обсуждения – слишком уж она тривиальна. Но она олицетворяет собой весь нынешний режим насилия через обман – вот это, увы, заслуживает обсуждения.

Итак, наш «историк» (а он и в самом деле имеет диплом доктора исторических наук – вот уж где «даром преподаватели время со мною тратили») желает нам поведать про пред-

посылки революции 1905 года. Само собой, слово «революция» применительно к событиям этого грозного для России года он что есть сил старается не упоминать. Что из этого получается – посмотрим.

Главная задача, решаемая в «проекте», обозванном «Исторические хроники» – это внедрение в массовое сознание и подсознание целого ряда исторических мифов, формирующих концептуальное представление о важнейших событиях, радикально отличное от того, которое сложилось за годы Советской власти. Поскольку этот «проект» рассчитан не просто на обывателя, жуящего «тележвачку» вроде рекламы пива или все время вылезающего слогана «Единая Россия – сильная Россия» (вперемешку с ужасиками криминального и политико-террористического толка), но на потребителя информационных блюд более «изящного» вкуса, т. е. обывателя от интеллигенции (точнее, от «образованщины»), он предполагает некоторое шевеление извилинами. Само собой, означенное шевеление обязано быть запрограммированным. Поэтому «просто так» мифы не преподносятся. Для их доведения до «потребителя» применяется классический заведомо некорректный прием ведения полемики – *ложный авторитет*. Суть метода – в том, что нужные тезисы внушаются через посредство очень авторитетной личности – такой, чтобы преклонение перед мнением этой личности было «забито» в «потребителя» на уровне рефлексов. При словах, вкладываемых в уста такой личности, у «потребителя»

отключается критическое осмысление сказанного (как у ребенка перед матерью или у первоклассника перед школьным учителем). Это может быть, например, человек, авторитет которого привычен в течение нескольких поколений (в той же рекламе пива лучшими друзьями пивовара Ивана Таранова являются Эйнштейн, Менделеев, Циолковский, Шалапин и т. д. – с детства мы доверяем великим ученым, писателям, артистам как блестящим примерам для подражания, властителям умов и чувств). Но такой авторитет больше подходит именно для рекламы пива – все-таки взрослый человек склонен к высокой оценке профессиональных качеств исторического персонажа, проявлений практической сметки, находчивости, везения и т. п. Молва склонна приписывать таким людям заслуги, коих у них, может быть, и не было, но очень хочется, чтобы были.

Вот в качестве такого «великого профессионала» и «палочки-выручалочки» Сванидзе выбирает графа Витте. Почему именно Витте? Ведь можно было вполне успешно «выловить» кого-нибудь другого из царского окружения, кто оказал большое влияние на события в предреволюционной России? А вот тут-то и возникают те самые мифы, которые необходимо «внедрить».

Генеральная линия сегодняшней официальной пропаганды (хотя слово «пропаганда» официальные и неофициальные власти о-очень не любят, как до тонкостей проработанное в марксистской литературе) в отношении дореволюци-

онной России выражается следующим набором заклинаний:

– Россия в начале XX века стремительно развивалась и скоро стала бы величайшей и богатейшей страной мира (вровень с Западом, а, может, и повыше), если бы не всякие революционные смутьяны.

– Все мы сегодня жили бы не хуже, чем живут «у них», потому что жили бы в богатой стране.

– Богатыми страны становятся потому, что в таких странах живет много богатых людей, которые могут хорошо платить тем, кто на них работает.

– В богатых странах даже нищие живут лучше (т. е. обеспеченнее) любого жителя совдепии, т. е. того общества, которое строили проклятые большевики, – так много благ вокруг богатых людей. Люби богачей и старайся все делать, как они велят.

– Мы бедны исключительно потому, что произошел октябрьский переворот (упаси боже называть это Великой Октябрьской революцией!). Из-за него мы потеряли наше богатство. То есть, проклятые большевики нас обокрали.

– Обкраденный, воспылай жалостью к себе и к несчастным своим обкраденным предкам, а заодно – воспылай ненавистью к ограбившему тебя охамевшему быдлу, которому не сумел указать его настоящее место слишком гуманный и добродушный царь.

– Рабочий! Твой прадед был жестоко обманут большевиками и пошел на баррикады. Если бы этого не произошло,

ты сегодня зарабатывал бы, как американский рабочий.

– Интеллигент! Ты был бы сейчас дворянином со всеми соответствующими привилегиями, а совдепия смешала тебя с дерьмом.

– Во всем виноваты омерзительные «шариковы», то есть коммунисты, которые только и мечтают снова все у всех отнять и поделить. Не может поэтому быть более ненавистного слова, чем «коммунист».

– Лучше поздно, чем никогда! Сегодня мы, демократы, исправляем ошибки прошлого, отмеченного коммунистическими кошмарами. Во имя этой великой цели нам можно простить всё. То, что делалось большевиками и коммунистами, бесконечно более страшно и ужасно, чем любые нынешние реформы.

– Не повторяйте ошибки своих предков в 1917 г., не желавших терпеть и оттого по неразумию не давших вам стать такими же обеспеченными, как жители «нормальных стран».

Любое из этих заклинаний по отдельности может быть легко опровергнуто, если только вести полемику *честно*, т. е. соблюдать законы логики и использовать корректные приемы. Но в том-то и дело, что доблестные «нейролингвисты» и «манипуляторы» отлично это знают и ни за что в корректную полемику не полезут – у них нет никаких шансов ее выиграть. Они многократно могли уже в этом убедиться на протяжении всего двадцатого века. Однако в совокупности эта система заклинаний вместе с всевозможными вариациями

рождает в голове обывателя устойчивое мировоззрение, целостную картину мира, от которой ему нет никаких видимых причин отказываться – при условии постоянного повторения этих заклинаний и постоянного подтверждения их правильности «независимыми экспертами» (именно для этого и создаются «проекты» вроде сванидзевских «хроник» или Михалковского «выбора»). И Витте (вернее, сложившееся о нём представление) – отличный кумир, выражающий суть этих заклинаний.

Ну а то, что не все знают, кто такой Витте – так это не беда. Сейчас Сванидзе сообщит вам всё, что нужно и *как нужно* – и вы поймете, какой великий умница и профессионал, какой гений, какой замечательный человек граф Витте, образ и прообраз нынешних реформаторов. Как же такого гения не послушать, такого благообразного и интеллигентного, с бородой? И коль Витте делал всё то же, что и нынешние реформаторы – ужель нам снова наступать на те же грабли?

Ну, а тем временем, пока перепуганный обыватель вздрагивает от химер «ужасного прошлого», вот уже 15 лет терпит и ждет, когда же Россия станет «богатой страной», в которой всем будет хорошо жить (главное, чтобы стало как можно больше богатых людей, ну а если ты сам не разбогател, ты – жалкий неудачник и просто дурак), кое-кто в неопикуемых масштабах разворовывает и распродает как наши природные богатства, так и все с таким трудом наработанное за те самые «проклятые годы совдепии». А чтобы власть ему не мешала

это делать, он ее до поры до времени неплохо прикармливает.

Ситуация до безобразия похожа на то, что происходило сто лет назад, только значительно омерзительнее. Тогда-то все старания властей избежать революции через «маленькую победоносную войну» привели как раз к ускорению столь нежелательного для них процесса – война получилась совсем не победоносной и вовсе не маленькой, а революция как раз и вспыхнула, подхлестнутая этой несчастной для страны и позорной для царского режима войной. Возможности же «нейролингвистов» были существенно меньше, чем сегодня.

А сегодня для внедрения вышеуказанных мифов исключительно полезна раскрутка образа Витте и пропагандирование его взглядов как взглядов умнейшего, порядочнейшего и талантливейшего профессионала и суперфинансиста, а также привязка деятельности Витте к современным «реформам». Дальше – уже подготовленный, «образованец» сам сделает все необходимые выводы.

Отметим, что вопреки расхожим среди «образованщины» представлениям, роль Витте в российской истории была далеко не однозначна. Главное дело жизни Витте – финансовая реформа – было достаточно успешным. Но почему она оказалась необходимой? Чтобы прикрыть дыры, образовавшиеся из-за остальных его же деяний. Многие историки (со всем не «прокоммунистического» толка) употребляют в отношении Витте весьма неллицеприятные характеристики, са-

мая мягкая из которых – «авантюрист».

Лихой «нейролингвист» и «дипломированный историк» Сванидзе в качестве непреложной истины использует мемуары Витте. Но – лишний раз приходится пожалеть его учителей, признавших его в свое время «достойным квалификации историка», как принято писать в отзывах и рецензиях на дипломные работы – любой историк знает, что мемуары – самый ненадежный источник информации, и никакие выводы не могут считаться доказанными, если мемуарные сведения не проверяются по другим источникам. Любые мемуары – вещь субъективная, в них автор непременно мажет грязью своих врагов и изображает себя в как можно более привлекательном виде. Тем более, если брать мемуары Витте – в них явно прослеживаются личные обиды и пристрастия. Здесь субъективизм – это не просто «кривое зеркало», но еще и с огромным увеличением. И вот это-то и выбрано фундаментом для «концепции», внедряемой в общественное сознание. Ай да «дипломированный историк»!

Итак, Сванидзе рассказывает о событиях 1905 года. Предварительно на экране мелькает множество фотографий под тревожную музыку и на кровавом фоне – рассмотреть ничего нельзя, но создается ощущение, что сейчас речь пойдет о чем-то очень тяжелом и страшном. Положительным контрастом с этим проходит кадр с самим Сванидзе. Он спокоен, неторопливо закрывает какую-то книгу (понимай – те самые мемуары Витте) и проникновенно смотрит в глаза зрителю:

вот, мол, я весь перед вами. Я честен, ничего не скрываю... Вы должны мне верить (при этом он не забывает выставлять себя то в профиль, то издали, то слишком близко к объективу – это чтобы не слишком бросался в глаза факт его перекошенной от постоянного вранья физиономии. В этом плане он ушел значительно дальше булгаковской секретарши из «Мастера и Маргариты», которая вралась существенно меньше, и поэтому у нее перекосило только глаза).

Вот Сванидзе у монумента на Красной Пресне.

Без тени сомнения, как об абсолютно очевидном, «ясном даже и ежу», он говорит, что первая русская революция (от слова «революция» его при этом аж передергивает) была следствием поражения в Русско-японской войне. Этим он уводит зрителя от осознания того факта, что на самом деле причину и следствие надо поменять местами – главными причинами революции вообще-то были невыносимые условия жизни большинства населения России и, соответственно, недалёковидная, грабительская по отношению к своей стране и своему народу политика верхушки российской власти (почти как сейчас). Не революция была следствием войны, а война была затеяна для того, чтобы отвлечь народ от революции. Но Сванидзе упорно долбит об этом для того, чтобы привести зрителя к мысли, что причина социального взрыва может быть только внешнеполитической – поскольку на самом деле в империи большинству жилось хорошо и зажиточно, как учит «генеральная линия нейролингвисти-

ческой пропаганды», – и, если бы не горсточка смутьянов и трагических неудач, ничего такого не было бы. Надо уводить зрителя от сомнений в базовых заклинаниях (смотри выше).

Заезженный тезис о внешних причинах революции стар, как мир. «Дипломированному историку», в частности, полезно бы вспомнить, что написано в «Гражданской войне во Франции» Маркса, где с невероятной силой показано, что не Парижская коммуна была следствием поражения Франции в войне с Пруссией, а сама война с Пруссией была затеяна Луи Бонапартом для того, чтобы «спасти империю», в которой внутренняя политика новоявленного Наполеона привела к невиданному обострению всех мыслимых и немыслимых противоречий.

Но разве примет «нейролингвист» Сванидзе корректные приемы ведения полемики, а именно: превращение ложного авторитета в истинный? Ни в коем случае. Что там Маркс! Вот Витте – это да.

Поэтому не будем обращаться к более чем убедительным аргументам, (по которым учили истории самого Сванидзе), доказывающим марксистско-ленинскую точку зрения на причины революции 1905 г., а обратимся к мемуарам, включающим дипломатические документы – воспоминаниям французского посла в России Мориса Бомпара.

По его словам, «внутренние беспорядки причиняли в это время серьезное беспокойство русскому правительству». Отражение ситуации на 1903 г.: *«уже давно происходили*

студенческие волнения в университетах, а также в промышленных центрах. Одни носили сузубо политический характер, участники других предъявляли требования экономического порядка. Конечно, они не нравились правительству, но они его пока не волновали. Сильно разобитенные, они быстро заканчивались, тем более что не составляло особого труда подавить их энергичными мерами. Только при одном давлении, по признанию самих властей, было 128 жертв. Но студенты и рабочие не мыслили по-разному, и первые выдавали последним, авансы, которые были услышаны. Это было хорошо видно в марте 1901, когда рабочие, по призыву студентов, сосредоточились в компактном блоке от десяти до двадцати тысяч демонстрантов и прошли по Невскому проспекту, в колонне, разделенной между двумя рядами любопытных, озадаченных этим зрелищем, на глазах у полиции, правда, не давая ей повода для вмешательства. Они хотели в этот день только произвести впечатление на власть своим количеством и своей дисциплиной».

Как видно, г-н Бомпар, будучи более чем далек от марксизма, не гнушался классовым анализом событий в России. Внимательно пронаблюдав за поведением рабочего класса и студенчества (завтрашней интеллигенции), он не мог не обратить взора на самый многочисленный класс России – крестьянство:

«...Но вот в 1903 крестьяне вступают в игру. Их претензии – общественный порядок; в основном, они требова-

ли землю. Это движение, начавшееся еще в 1902, сурово подавлялось. Оно возрастало, и в 1903 грозило превратиться в крестьянскую войну («жакерию», как ее называл на свой, французский лад месье Бомпар. – Авт.). Правительство, наученное опытом, оценило эту угрозу, на этот раз репрессии должны были сочетаться с реформами».

По мнению г-на Бомпара, не без подстрекательства министра внутренних дел Плеве император опубликовал 12-го марта 1903 года манифест, обещавший крестьянам не землю, а улучшение их доли. Режим совместного пользования крестьянской землей, коллективизм крестьян были специально сохранены. Посол отмечал, что «это было странное положение дел, удовлетворение собственников, которое хорошо понималось. Однако, что их касается, то они сохранили свои владения в частной собственности. Тем не менее, сильно дорожили тем, что крестьянин не мог индивидуально стать собственником земли, и он был ограничен коллективизмом в аграрном секторе».

Напрасно посол предпринимал несколько попыток убедить некоторых из представителей властей в несоответствии этих двух способов пользования землей в одной и той же стране. «Кончайте с этим», – говорил я им, – «переходите к другой форме, если удерживаете ваши наделы. Вы опередите революционеров и разовьете у крестьянина вкус к тому, что имеет **Вы** сами, к частной собственности на землю».

Ему неизменно отвечали, что частная собственность у

крестьян неизбежно и очень быстро приведет к неравенству между ними и создаст, таким образом, в России сельский пролетариат, который был одним из слоев западного общества. Тогда как в условиях «мира» (*«так называлась в России сельская коммуна» – примечание г-на Бомпара*), сельский пролетариат не существовал; напротив, в крестьянской среде шли слухи о том, что его образование обострит социальную напряженность.

В своих воспоминаниях г-н Бомпар отмечает, что, таким образом, «мир» был сохранен. При этом, по его словам, *«...император пытался устранить одно из его наиболее тягостных последствий: коллективную крестьянскую поруку при уплате налогов. Также было объявлено и о другой значительной реформе, послабления для крестьян выхода из своего общественного класса, т. е. освободиться индивидуально от работы на земле, как в 1861 их освободили от службы своему сеньору».*

Все эти реформы, среди которых мемуарист выделяет наиболее значимые, были только обещаны; они остались мертворожденными. В течение этого времени аграрные беспорядки все больше и больше продолжались; они особенно беспокоили власти, потому что войска разделяли популярные идеи и не могли быть верными, когда речь шла о действиях против крестьян. Так, например, в Туле в 1902 г. сержант отказался дать приказ своему подразделению стрелять в народ; полковник, сделавший вид, что всадит ему пулю

в лоб, был убит своими собственными солдатами ударами штыков.

Отвлекаясь от забавной французской интерпретации отмены крепостного права (как видно, почтенный посол значительно прочнее торчал в средневековье, чем даже российский государь император), нельзя не отметить озабоченность правительства положением крестьян. Крестьянская община стремительно разлагалась. Этот процесс обуславливал бурный рост пролетариата – неизбежные явления, связанные с развитием капитализма. Но столь же неизбежными были нарастающие противоречия во всем обществе, которых царизм боялся и искал способы их устранения, не желая только соглашаться с самым простым и естественным способом – устранением самого себя.

Не менее серьезные беспорядки происходили и в промышленных центрах. Вот несколько выдержек из отчета, который посол представил своему министру иностранных дел Делькассе в августе 1903 года.

«Забастовки полыхают со всех сторон... На берегах Черного и Каспийского морей, на всем юге России и в Закавказье, они умножаются, и, прежде всего, становятся всеобщими. Чаще всего требования бастующих остаются неясными; они носят как политический, так и профессиональный характер, не уточняя ни один пункт; они свидетельствуют о состоянии недоумения народа, но не отвечают его чаяниям. В этих условиях забастовка... часто носит крими-

нальный характер: в Сосновице, в мае 1902, инженер был убит рабочим, а в феврале 1903 мастер; в январе 1903 заводы бастовали в Лодзи и в Батуми; в Батуми, за последний месяц, около шестидесяти шахт охвачены забастовками... Те из представителей власти, кто использовал репрессии, не избавлялись от угрозы после нанесенного удара, так как месть их наступала; сначала это был губернатор Вильно, который был убит, в другой раз – губернатор Уфы, которого настигли пули;... верно, что репрессии в отношении университетов и рабочего движения всегда жестоки и нередко кровавы... Только за этот год власти прибегли к вооруженной силе в Ростове, в Златоусте (80 жертв), в Одессе (100 убитых), в Михайлово (40 жертв), в Тифлисе, в Баку и в Николаеве; в Киеве стреляли в бастовавших мужчин, женщин и детей, лежавших на путях и мешавших движению поездов»...

«Все классы общества», – писал Бомпар Делькассе – «находятся в возбужденном состоянии. Неделимость земли в сельских районах, которые еще недавно были гордостью русских экономистов, делали крестьян готовой добычей для агитаторов, численность которых росла, выдвигали ряд требований для общины, в противном случае сами силой захватывали дворянские поместья. Пролетариат, формирование которого началось несколько лет назад, сразу продемонстрировал свою революционность, и выдвинул свои требования, выраженные в наиболее жестокой форме. Учащие-

ся школ, выходцы, по большей части, из достаточно бедных кругов, являлись рассадником анархизма, и наиболее умеренные молодые люди, которые выходили из университетов, если не принимали непосредственного участия, то, по крайней мере, аплодировали покушениям террористам; торговцы, в которых все были готовы видеть третье сословие, состояли, за исключением нескольких очень почетных деятелей в больших городах России, из хищников – спекулянтов и нескольких добросовестных элементов; дворянство фрондировало, кипело и, однако, было лишено практической сметки; бюрократизм являлся одним из бедствий страны. Таково было положение дел в общественном устройстве».

Французский дипломат пытался объяснить эту ситуацию следующим образом: «...нынешние несчастья, казалось, происходили в силу того, что предстояло пройти еще долгий путь, чтобы определить свою судьбу; русский народ, казалось, хотел выбрать не то направление, в котором Петр Великий двигал руководящие классы».

Не правда ли, весьма красноречивое заявление, причем его нельзя истолковать как чисто пропагандистское. Будь Бомпар социал-демократом или хотя бы сочувствующим, можно было бы, зажмурившись, как это любят делать господа демократы нынешнего замеса, орать про «классовую зашоренность». Но Бомпар был до мозга костей правым политиком, искренне стремящимся избавить Россию от «беспорядков». Он-то ни в каком разрезе не был заинтересован в

«придумывании революции», поскольку стоял на страже интересов французского капитала в России. Это его «собратья по классу» отдавали приказы о военном вторжении в революционную Россию, превратившуюся одним махом из союзника во врага. Это такие, как Бомпар, предъявляли ультимативные требования на Генуэзской конференции о выплате царских долгов и зажимали уши, слушая речь Чичерина о потерях России в результате интервенции, далеко превышающих все царские долги.

Но в своих мемуарах бывший французский посол не ограничивается классовым анализом революционного движения в России накануне русско-японской войны. Он достаточно обстоятельно анализирует деятельность полиции, которая к этому времени уже мастерски научилась внедрять своих агентов во все ветви революционного движения, и приходит к выводу, что, несмотря на беспрецедентную виртуозность работы ведомства Плеве, надежды на успех здесь быть не может, поскольку революционные идеи в России усваиваются еще с детства: *«Те, кто по окончании обучения не могли найти применение полученным знаниям, которые они приобрели, и носителями которых они были, переоценивали свои возможности и охотно создавали революционные объединения или организовывали покушения...»*

Оставим в стороне заявление Бомпара о том, что молодежь России «переоценивала свои возможности» в части применения полученных знаний. Скорее, сам г-н Бомпар

недооценивал эти возможности. Во всяком случае, он мог в этом убедиться в 1917 г.

Но что обращает на себя внимание: дипломат подчеркивает, что он *«имел возможность, в течение некоторого времени, просматривать публикации в газетах о количестве покушений со смертельным исходом, о которых печать была уполномочена сообщать, и жертвами которых становились чиновники любых рангов, от министров и губернаторов до подчиненных агентов»*. По его подсчетам их выходило в среднем до двадцати в месяц.

И это – только по публикациям в газетах! Причем даже нет смысла подчеркивать, что Бомпар читал только легальную прессу, до которой доходила далеко не вся фактическая информация.

Вот так «процветание», нечего сказать!

Да вся Россия просто клочкотала от ненависти к царским порядкам. Волна классовой борьбы поднималась с такой силой, что власть буквально вырывалась из рук правительства.

Как видим, французские дипломатические представители в России пристальное внимание обращали и на внутреннее положение в Российской империи, которое беспокоило союзницу не менее военных неудач на полях Маньчжурии и на берегах Желтого моря. Но вот прошло сто лет – и нам что есть силы «впаривают» совсем другое. Однако – помните, господинчики, что у лжи ножки коротенькие, хотя Владимир Высоцкий и пел о том, как «грубая ложь чистокровную ло-

шадь украла и ускакала на длинных и тонких ногах» – скакала-то она не на своих ногах, а на ворованных лошадиных!

Вернемся от Бомпара к Сванидзе (хотя это вызывает само по себе глубокую тоску. Правый реакционер Бомпар по сравнению с современными склизкими «нейролингвистами» кажется вполне почтенным человеком, и его мысли гораздо интереснее изучать, хотя это мысли классового врага).

Итак, наш «честный» историк, стараясь не демонстрировать перекошенную враньем физиономию, перечисляет заслуги Витте, среди коих едва ли не главная – удачный мир с Японией. В общем, такой замечательный министр – и миротворец ещё вдобавок... От фимиама прямо головка кругом!

Стоп. Что такого уж удачного было в мире с Японией?

Мы потеряли Квантунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, отдали японцам Южно-Маньчжурскую железную дорогу, южную половину Сахалина со всеми главными морскими портами, Курильские острова, признали Корею сферой влияния Японии. Вместе с потерей ЮМЖД и всех возможностей в Корее мы фактически утратили как сферу влияния и Маньчжурию, хотя за нами осталось формальное право пользования Китайско-Восточной железной дорогой, но под японским протекторатом. В качестве «удачи» остается только то, что нам удалось избежать унижительной контрибуции. Да и то, как потом оказалось, контрибуцию с нас все равно содрали, только по-другому назвали.

И это при всем том, что Япония обратилась к США с

просьбой о посредничестве в заключении мира в момент своего наивысшего триумфа в войне – через три дня после Цусимы. Экономика Японии уже была на грани полного истощения. Кроме того, японцы нисколько не обольщались своими успехами. Россия к началу 1905 г. отобилизовала, наконец, запланированные сухопутные силы и сосредоточила на границах Маньчжурии без малого миллионную армию. В перспективе продолжение войны ничего хорошего Японии не сулило, хотя Россия и осталась без флота – ведь для военных действий в Маньчжурии флот не требовался, а перебрасывать туда по морю японцам уже было нечего – все стратегические резервы были задействованы. Японский военный атташе в Париже вскоре после Портсмута откровенно признавался нашему А.А. Игнатьеву (тогда пока еще и.о. атташе): «Мы не ожидали такого затяжного характера войны. Еще меньше мы могли предвидеть, что, сохранив армию, вы сумеете довести ее численность к концу войны до миллиона людей!».

Поэтому «миротворец» Витте никаких особых выгод для России в Портсмуте не завоевал. Более того, в ходе переговоров явно просматривалась возможность сохранить за Россией весь Сахалин, но Витте с легкостью «клянул» на приманку в виде отмены контрибуции в обмен на половину Сахалина, подсказанную японцам их американскими покровителями.

Кстати, в обширной литературе о русско-японской вой-

не события на Сахалине летом 1905 г. отражены более чем скупо. Даже у внимательных читателей складывается впечатление, что дальше бросания якорей на рейдах главных портов Сахалина японцы не пошли. Поскольку переговоры о мире начались вскоре после Цусимы, а военные действия в Маньчжурии после Мукдена надолго прекратились (исключая небольшие стычки «местного значения»), можно подумать, что кровь Цусимы была последней кровью русских, пролитой в этой несчастной и позорной войне. Дескать, японцы, убоявшись огромной силы, нависающей над границами Маньчжурии, только и думали о том, как бы поскорей закончить войну и не дразнить дальше «русского медведя».

Как бы не так!

Японцы, действительно, весьма некомфортно чувствовали себя, разглядывая оперативные карты Маньчжурии и прилегающих к ней обширных пространств Китая, Кореи и русского Дальнего Востока. Стратегические резервы были исчерпаны, все дальнейшие возможности развития экспансии зависели от США и Англии, уже потерявших заинтересованность в укреплении позиций Японии на Тихом океане, золотой запас таял со все возрастающей скоростью. Но, ведя переговоры о мире, японцы изо всех сил стремились к максимально удобной позе на этих переговорах. А это значит, что чем больше земель они оккупируют к моменту подписания мирного договора, тем выгоднее для них будут условия. Но

куда удобнее всего протянуть жадные лапы?

На материке разворачивать новое наступление опасно – смотри выше. Того и гляди, миллионная группировка русских войск придет-таки в движение. На море вроде все уже сделано – от русского флота практически ничего не осталось. Но по земле броненосцы не ходят. Значит, надо высадить десант. Но куда? На материк – нельзя, уже высадили все, что можно, и убрать оттуда ничего тоже нельзя. Продвинуться по линии Курил на Камчатку – пробовали, но ничего не вышло – камчатское ополчение героически сбросило весь десант в море. Обожглись самурайчики на Камчатке, как за полвека до этого англичане с французами. Кроме того, экспансия японцев на Камчатку очень прохладно встречалась американцами – главным «кредитным кошельком» Японии. Дядюшки из-за океана видели будущими хозяевами Камчатки вовсе не японцев, а самих себя, любимых.

Оставалось одно – рвануть на Сахалин. Японцы прекрасно знали, что на Сахалине, как и на Камчатке, нет регулярных русских войск. Сахалин был традиционным «краем света», куда российские подданные попадали вовсе не по своей воле. Однако, помня Камчатку, японцы высадили на Сахалин не батальон, а целую дивизию специально подготовленных головорезов. Головорезов в самом буквальном смысле слова, виртуозно владевших самурайскими мечами. Сахалин, по примеру Камчатки, выставил народное ополчение, вооружив всех, кто мог держать винтовку, даже бывших ка-

торжников, превратившихся в ссыльнопоселенцев. Но самурайский «спецназ» был на сей раз неизмеримо сильнее батальона с острова Шумшу, уничтоженного мужественными камчадалами – казаками, охотниками, рыбаками, каюрами, опиравшимися на поддержку крестьян из прибрежных деревень. Озверелые пришельцы устроили на Сахалине жесточайший геноцид в самом страшном смысле этого слова. Русским офицерам, взявшимся командовать отрядами ополчения, с особым сладострастием рубили головы. Рядовых ополченцев кромсали на части штыками. Даже прикованных к тачкам безоружных каторжников рубили в капусту. Так что полагать, что русская кровь перестала литься после Цусимы – это наивнейшее и жесточайшее заблуждение! На Сахалине ее было пролито столько, что впору было покраснеть водам Тихого океана. Среди многих тысяч русских пленных, попавших в Японию, с Сахалина были единицы (всего 98 офицеров). Их к этому времени предпочитали не брать в плен – самураи сэкономили на хлопотах и открыто заявляли, что война истощила казну. Может быть, именно поэтому в исторической и прочей литературе очень мало подробностей о сахалинском лете 1905 г. Во-первых, нашим историкам совсем неумоготу было признавать и анализировать тот факт, что война уже переместилась на *российскую территорию* – ведь до этого самурайские кривые ноги топтали Китай и Корею. Во-вторых, просто *почти не осталось уцелевших свидетелей этих событий*. А японцам, по вполне понятным при-

чинам, распространяться об этом было не с руки – ведь переговоры о мире-то велись! Велись в это самое время, летом 1905 года. И возглавлял их с российской стороны не кто иной, как Витте.

Итак, на переговорах в Портсмуте Витте показал себя во все не как искусный дипломат, умеющий отстаивать интересы России даже там, где это кажется невозможным, а как средней руки циничный купец, для которого деньги заслоняют все остальное, даже реки крови, пролитой на Сахалине. Витте с ликованием рассматривал как свой успех эту самую отмену контрибуции и сохранение прав пользования КВЖД, поскольку КВЖД, как и ЮМЖД, была его детищем. Детищем, надо признать, уродливым, потому что ни та, ни другая железные дороги не остались в итоге российскими и принесли только гигантские убытки. Кстати, «добрые дяди» из Америки, обдулив Витте на половину Сахалина (за что он заработал в народе презрительный титул «граф Полу-Сахалинский»), «кинули» и японцев, отказав им в обещанном дополнительном кредите. А японцы постарались выкрутиться за наш счет. Ай да «миротворец»!

Само собой, о фактическом содержании Портсмутского мирного договора Сванидзе предпочитает не распространяться. Зато он с удовольствием расписывает, какое хорошее впечатление произвел Витте на американцев, как его везде принимали и т. п. Как же, разве можно сомневаться в гениальности нашего обожаемого кумира?

Однако, кроме демонстрации жалкой роли Витте на переговорах в Портсмуте, не вредно было бы сначала повнимательнее присмотреться к роли Витте в самой войне, т. е. его влиянию на дальневосточную политику России накануне войны. Сванидзе предпочитает об этом помалкивать. И очень даже понятно, почему – роль эта совершенно неприглядная и никак не создает вокруг Витте ореола гениальности. Это роль *творца поражения*.

Вообще-то дальневосточная политика России на рубеже XIX–XX веков освещена в очень многих источниках. Недостатка в информации здесь нет. Но, как и в вопросе о причинах и следствиях русско-японской войны, лучше всего обратиться к источнику, который невозможно заподозрить в симпатиях к Советской власти, потому что гарантирована непредвзятость в отношении к «вылепляемому» кумиру.

Слово белоэмигрантскому историку А. А. Керсновскому, автору книги «История Русской армии»:

«С 1895 года политика России на Дальнем Востоке резко меняет свой характер. Вместо разработки своих богатств, как то полагал Император Александр III, учреждая Сибирский путь, мы позарились на чужие, нам ненужные земли. Реализм сменился авантюризмом. В 1897 году Россия приобрела у Китая в аренду Порт-Артур, объект японских мечтаний, результатом чего явился взрыв ненависти к нам в Японии. Война с Россией там стала делом решенным – и сорок миллионов японцев стали к ней готовиться, как один

человек. Каменистый и мелководный порт-артурский рейд решено было сделать нашей главной базой на Тихом океане, и там намечена была сооружением крепость. Став полновластным вершителем судеб России, Витте пошел еще дальше. Вместо того чтобы продолжать Сибирский путь вдоль Амура, как повелел в свое время Александр III, он повел его по китайской территории через Маньчжурию. Так возникла в 1898–1900 годах Восточно-Китайская железная дорога – грандиозное культурное русское дело на Дальнем Востоке, пробудившее к жизни огромный и богатый край. На протяжении жизни одного поколения население Маньчжурии с 3 миллионов увеличилось до 30. Из ничтожной рыбацкой деревушки Харбина в несколько месяцев возник большой город, в несколько лет – главный промышленный и населенный центр края. Русское золото полилось рекой, обогащая чужую страну. Русское население Приамурского края осталось без железной дороги; дорогу зато получили китайцы, а затем, увы, японцы. Столь необходимая для русского Дальнего Востока Амурская дорога была сооружена в 1908–1911 годах.

Все это строительство стоило огромных денег. Витте поступил просто. Располагая финансами по своему усмотрению, он добывал нужные средства путем урезывания кредитов Военному и Морскому ведомствам. Стоимость всей авантюры возлагалась с легким сердцем на армию и флот, которым еще пришлось платить за все своей кровью... На

арендованном Ляодуне Витте решил устроить коммерческий порт – в явный ущерб Владивостоку. Искусственно был создан город Дальний, который наши офицеры не без основания стали называть Лишний. Витте смотрел на это, как на вопрос своего личного престижа и не жалел затрат. Деньги на сооружение этого удивительного города Витте достал из кредитов, отпущенных на укрепление Порт-Артура. Строитель Порт-Артурской крепости инженер-полковник Величко представил смету на сооружение верков, рассчитанных на 11-дюймовый калибр. Витте приказал сократить эту смету вдвое и ограничиться укреплениями, рассчитанными на 6-дюймовые снаряды. Освободившиеся таким образом миллионы он употребил на украшение Дальнего.

Артурские форты стояли недостроенными, но в Дальнем сооружалась монументальная лютеранская кирха на случай, если в открываемый порт станут заходить немецкие либо скандинавские корабли и их команда захочет помолиться. Артурская крепость осталась недостроенной, зато Дальний был оборудован по последнему слову техники и, только что законченный, преподнесен японцам, которые и мечтать не могли о лучшей базе для действий против России, в частности против Артура.

Дальний убил Порт-Артур. Вся эта авантюра стоила России десятков тысяч жизней, целого флота, 3 миллиардов бесцельных затрат, великодержавного престижа и

тяжких внутренних потрясений. Главный ее виновник сумел извлечь выгоду для себя из самого банкротства своей политики, став «графом Портсмутским» и сумев придать законную форму внутреннему врагу учреждением Государственной думы... Убеденный германофил, Витте пользовался полной поддержкой Германии в дальневосточной своей политике, как нельзя больше отвечающей германским интересам. Вильгельм II не жалел поощрений – памятен остался сигнал, поднятый на грот-стенге «Гогенцоллерна» при расставании монархов в Бьоркских шхерах: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

Не будем слишком придираться к неточностям, допущенным Керсновским – по всей видимости, он многое писал просто по памяти, не располагая под рукой нужными документами. Эмиграция есть эмиграция.

Не Порт-Артур явился причиной, вызвавшей осатанелую подготовку Японии к войне против России, а более ранние события, связанные с японо-китайской войной 1894-95 гг. Порт-Артур был не главной болевой точкой среди противоречий на Дальнем Востоке, а лишь одной из многих, и был арендован не в 1897, а в 1898 г. Витте, кстати, не был сторонником аренды Порт-Артура, потому что его интересы были сосредоточены главным образом вокруг КВЖД и Русско-Китайского банка. Строительство этой магистрали началось не в 1898, а в 1897 г. и закончено не в 1900, а в 1901–1903 гг., причем в два этапа – 21 октября 1901 г. была завер-

шена укладка рельсов одновременно на всем пути КВЖД и ЮМЖД (при этом пришлось восстанавливать почти 1000 км полотна КВЖД, разрушенного во время «боксерского» восстания 1900 г.), а 1 июля 1903 г. открылось регулярное движение – по КВЖД от Читы до Владивостока, а по ЮМЖД от Харбина до Порт-Артура. И еще надо внимательно посмотреть, кто был бóльшим германофилом – Витте или сам государь император.

Но в главном с Керсновским невозможно не согласиться – все это пошло, как мы знаем, псу под хвост.

Касательно строительства Порт-Артура и Дальнего (кстати, офицеры именовали Дальний не только «Лишний», но и «Вредный») можно добавить еще очень много убийственных для Витте подробностей. Но, не вдаваясь в длительные перечисления фактов головотяпства, заметим только: мало того, что запланированные укрепления Порт-Артура не были достроены, потому что деньги были переброшены на строительство Дальнего и ЮМЖД, но в ходе работ в Дальнем половина казенных денег была просто разворована.

Такой вот «финансовый гений». Одно слово – авантюрист.

Здесь настолько сильно просится аналогия с современными «реформаторами», что удержаться невозможно. Сегодняшние «финансовые гении» далеко «переплюнули» Витте в «несанкционированном использовании бюджетных средств» (так теперь предпочитают именовать то, что при

Витте называлось казнокрадством). Строятся нарядные торговые центры, забиваемые яркими безделушками, создается красивая ежедневная вечерняя подсветка зданий, устраиваются шумные ярмарки с толчеей и иллюзией пониженных цен, проводятся помпезные празднования «дней города», «фестивалей пива», разные «презентации» с демонстрацией обжираловых «хозяев жизни» («делай как я!»), т. е. предпринимаются немалые усилия для создания *видимости* «налаживания жизни». То бишь бросают людям косточку: видите, всё становится как обещано, «как у них»...

И это – вместо поддержания армии на должном уровне и ежегодного обслуживания энергосистем. «Сэкономили» (то есть украли) колоссальные средства, пустили один процент из них на развлечения и на барахлишко – вот, вроде бы проблем и нет. Те самые дебилские детишки, для которых главное – «не дать себе засохнуть», и бабульки, для которых главное – успеть проголосовать за того, на кого в ящике можно без конца любоваться («а за кого же еще?») – счастливы.

А теплотрассы аж с советских времён так необслуженные и стоят. И скоро число «техногенных катастроф» существенно превысит возможности коммунальных служб по их устранению, которые и сами неуклонно сокращаются. А что это означает? Это означает, что в случае морозов начнут гибнуть целые огромные районы. Притом даже самый ленивый студент (не говоря уже об умных школьниках) запросто может посчитать, что количество таких аварий должно нарастать.

тать лавинообразно по всей стране, и никакое МЧС дела не исправит.

А в армии отключают электроснабжение ракетных комплексов, стоящих (пока еще стоящих!) на боевом дежурстве. А на флоте гноят у причала стратегические атомные ракетоносцы и продают на металлолом лучшие в мире корабли. А на стратегических аэродромах пилят пополам лучшие в мире самолеты. А в космосе сгоняют с орбиты лучшую в мире орбитальную станцию и топят в море...

Куда там Сергею Юльевичу Витте, графу «Полу-Сахалинскому», до современных «финансовых гениев!». Сванидзе, силясь превознести его заслуги ради утверждения «дерьмомифов», подразумевает, что благодаря Витте он оправдывает деяния сегодняшние. И сам не замечает, что чем больше он старается, тем виднее та самая разница, которую он молчаливо предполагает отсутствующей. Да при всем купеческом авантюризме Витте он смотрится настолько приличнее тех, кого «нейролингвисты» подсовывают сегодня, что «мифология»-то не строится! Ну – почти точно как укрепления в Порт-Артуре накануне Русско-японской войны.

Далее Сванидзе рассказывает о «высоком авторитете золотого рубля». Не будем повторять полуанекдотических историй того времени, пересказываемых Сванидзе с наслаждением старой сплетницы. Заметим действительно анекдотическую ситуацию, создаваемую незаметно для себя самим Сванидзе – в качестве экспертов при рассказе о реформе

Витте выступают Кудрин и Гайдар.

Вообще-то трудно сказать, было ли таким уж однозначным благом введение золотого обеспечения рубля (а также прочие элементы финансовой реформы Витте) и не имело ли это каких-либо отдалённых последствий «похмельного» свойства для российской экономики на фоне временных улучшений (вроде оскудения золотого запаса и т. п.). Если пригласить в консультанты графа Алексея Павловича Игнатъева, члена Государственного совета с 1896 по 1906 г (до самой своей трагической гибели), то и эта реформа представляется бесспорным злом для России. Витте встретил в Игнатъеве настолько упорного противника, что с нескрываемым раздражением говорил: «Достаточно мне сказать *да*, чтобы Алексей Павлович сказал *нет!*» Во введении золотого рубля Игнатъев видел несоответствие коренным интересам земледельческой России, облегчение порабощения русской промышленности иностранным капиталом. Наш доблестный «нейролингвист» или не читал «Пятьдесят лет в строю», или же изволит прикидываться, что не читал.

Но, как бы там ни было, пока Сванидзе не записал графа А.П. Игнатъева в марксисты, отметим, что главное достижение тогдашней реформы, пусть кратковременное, все-таки видно: благодаря введению золотого обеспечения рубля наступила столь необходимая финансовая и экономическая стабилизация. Финансовые спекулянты лишились возможности играть на курсовой разнице рубля на внешнем и внут-

ренных рынках. Выросли поступления в казну – в частности, за счёт винной монополии и сосредоточения в государственных руках железных дорог. Для того, чтобы это понять, не требуется особых заслуг на экономическом поприще. Может быть, «заслуженные эксперты» поведают нам нечто такое, о чем наши дилетантские мозги и не догадываются?

Но что это? «Заслуженные эксперты» от «демреформ» ни слова не говорят о сути реформ Витте! Они лишь лопочут что-то совершенно невнятное с употреблением ничего не означающих «макававок» типа «респектабельности валюты» и «привлекательности для инвестиций». Казалось бы, следует просто плюнуть и пропустить их бред мимо ушей. Но! Ведь выбор-то «экспертов» вовсе не случаен. Оба занимали ключевые посты в правительстве, оба на разных стадиях «демшизных реформ» показали полную несостоятельность доктрины этих «реформ», но доктрина-то *остается на вооружении* существующего режима! И эти донельзя опротивевшие всем (даже «образованцам», для которых и предназначен весь «проект» «хронического идиотизма», или «исторических хроник») персонажи маразматического паноптикума олицетворяют собой незыблемость курса, который объявляется «безальтернативным». В качестве подтверждения лозунгов этого «курса» берется реформа Витте, без всяких оснований, просто «притянутая за уши».

Помните, с чем приходила к власти каждая из демшизоидных «команд»? Вот сейчас к нам рекой потекут инвести-

ции, и нам будет на что поднимать экономику «по правильному»! Только вот потерпите чуть-чуть, до «рыночного рая» осталось совсем немного. Ну, точно как в детской классике: Буратино сначала уговорили закопать монетки на Поле Чудес, произнести «Крэкс, фэкс, пэкс» и немного подождать. Что потом было, расскажет каждый дошкольник. Аналогия, точная просто до безобразия: «На дурака не нужен нож, ему с три короба наврешь, и делай с ним что хошь!» – песенка про «мудрого» Витте; создатели «проекта» – лиса Алиса и кот Базилио; «образованец», внимающий «проектантам» и сидящий над своими закопанными монетками вот уже тринадцатый год в ожидании чуда (инвестиций) – «богатенький» Буратино.

Если бы только у нашего «образованца» хватило мужества встряхнуться и трезво взглянуть, что за аналогию ему «впаривают» – между реформой, давшей стабильность и подъем, и «реформами», разрушившими экономику и породившими жуткий хаос! Тут нет ничего общего, даже само слово «реформа» – и то не годится, поскольку Витте при всем его авантюризме действительно был *реформатором*, т. е. инициатором улучшающих жизнь преобразований (даже пускай временных и опасных в перспективе) *без изменения существующего общественного строя*, а лопочущие куклы, извлеченные в «проект» Сванидзе из корзины для использованной туалетной бумаги, – исполнители никаких не реформ, а мероприятий по *реставрации самого омерзительного вариан-*

та капитализма – криминал-компрадорского, причем не только не с улучшением жизни, а с физическим уничтожением подавляющего большинства населения страны (мы с 1992 г теряем в среднем по миллиону в год, т. е. режим методично *уничтожает* каждый день по 3 000 человек. Каждые 2 дня – по Цусиме! Каждые 10 дней – по Порт-Артуру!)

Эдакое снилось ли Витте даже в самые черные его дни? Впрочем, как отмечается в статье Д. Никитича и Ф. Логинова, посвященной разбору «проекта» Сванидзе, «очень возможно, что Гайдар и Кудрин и вправду искренне не понимают, в чем отличие реформы Витте от их дел...

Говорят, что самый лучший способ вывести из строя осточертевший постоянной ночной работой соседский телевизор за стеной – это внушить дебильному сынку соседа, что он великий телемастер и должен починить папин телевизор, потому что у Гошиного папы телевизор работает лучше... Вот и поручили гайдарам «выправлять» экономику, а сванидзам и им подобным – «выправлять» историческое сознание масс. В результате имеем то, что имеем: «хронический идиотизм» (пардон, «исторические хроники»).

Обратим внимание еще на один тезис Керсновского: он подчеркивает, что средства на строительство КВЖД были взяты из военного бюджета, и тем самым Витте обескровил армию. Обескровил не только в переносном, но в буквальном смысле слова: за недостаточную и несвоевременную подготовку к войне нашим солдатам, матросам и офицерам

пришлось расплачиваться своей кровью, огромными потерями.

Это перекликается с еще одним сюжетом Сванидзе, в котором вбрасывается очередной «мощный» антисоветский миф: он сообщает, что Витте знаменитый Транссиб построил всего за 10 лет – гораздо меньше, чем СССР ухлопал на БАМ. Этот миф, конечно же наш «нейролингвист» не первым пускает в ход. Сия «макакавка» очень давно и очень часто используется для того чтобы «наглядно доказать» в глазах обывателя-«образованца», насколько эффективнее «рыночная», т. е. капиталистическая экономика в сравнении с «командно-административной», т. е. социалистической – дескать, смотрите, в конце XX века неэффективные совки, вооружённые современными технологиями и машинами, провозились с более коротким БАМом дольше, чем за сто лет до этого капиталисты с грандиозным Транссибом с преимущественно ручным трудом. Вот, учитесь, как надо правильно делать.

Нет нужды подробно пересказывать все враки, содержащиеся в этой фразе. Это достаточно обстоятельно проделано в упомянутой выше статье Никитича и Логинова. Здесь же уместно акцентировать роль Витте в том, что было сделано накануне русско-японской войны. То, что КВЖД и ЮМЖД были построены за счет срыва сразу двух военных программ – сухопутной и военно-морской, – это экономическая политика Витте. То, что делалось в микромасштабе на Кван-

тунском полуострове (строительство коммерческого порта Дальний в ущерб совершенно необходимому укреплению военно-морской базы Порт-Артур), просто повторяло аналогичную макроэкономическую политику того же «финансового гения». Но даже в чисто инженерном плане – мало того, что в КВЖД и ЮМЖД были вложены «несанкционированные бюджетные средства», – сами-то эти дороги не являлись тем Транссибом, который возникает в представлении нашего «образованца» как гигантской протяженности путь от Москвы до Тихоокеанского побережья!

Тот Транссиб, к которому апеллирует Сванидзе как детищу Витте, «давшего образец, как надо строить дорогу правильно», в противовес «совкам», как раз и не являлся ни в коем разе «правильно» построенной трассой! За 10 лет был построен не Транссиб, а то, что как раз послужило причиной всех конфликтных ситуаций и на много лет вперед – аж до 1945 года – совершенно расстроило все наши дальневосточные дела. «Тот» Транссиб (т. е. та дорога, строительство которой было начато в 1891 г. по указу Александра III) – вообще-то не имел отношения к Витте, поскольку высочайшее решение было принято еще в 1887 г, за три года до назначения Витте в министерство путей сообщения. Сванидзевский «гений» только приступил к исполнению принятого решения. Более того, с 1890 по 1892 г Витте состоял всего лишь начальником отдела в МПС, а возглавил министерство уже *после* начала работ. И пока был жив Александр, он, в общем

неплохо, исполнял то, что полагалось.

Но сразу после смерти царя он начал носиться с проектом «спрямления» дороги через Маньчжурию, и в итоге, начиная от Читы, дорога пошла «не так» со всеми вытекающими отсюда известными нам последствиями. Вспоминая опять дебаты в Государственном совете, отметим яростные протесты А.П. Игнатьева и его немногочисленных сторонников против проведения дороги через Маньчжурию. Еще в 1896 г. Игнатьев решительно заявлял, что проведение жизненной для нас артерии по чужой территории может рано или поздно повлечь за собой конфликты. Что получилось из «блестящего» руководства Витте, можно видеть из знаменитых мемуаров генерала А.А. Игнатьева, сына А.П. Игнатьева – «Пятьдесят лет в строю»:

«...Стальная броня вагонов... была поставлена для предохранения пассажиров от обстрела хунхузами. Впрочем, в этом случае рекомендовалось ложиться на пол, так как броня доходила только до нижнего края оконных рам...

В Иркутске предстояла пересадка... Байкал разрывал нашу единственную коммуникационную линию – однокольную железную дорогу, и японцы, конечно, учитывали этот пробел в нашей подготовке к войне. К вечеру мы снова очутились в поезде, но он уже не имел ничего общего с сибирским экспрессом. Мы сидели в грязном, нетопленном вагоне, забитом до отказа людьми всякого рода... В Харбине мы простились... с главной железнодорожной магистралью

Москва-Владивосток. Отсюда, почти в перпендикулярном направлении, отходила ветка на Мукден – столицу Маньчжурии, дальше – на Ляоян и Порт-Артур...

Эта магистраль сыграла решающую роль во всей несчастной войне. Она была единственной артерией, которая не только пополняла нашу армию, но и питала ее...

Эту хрупкую одноколейную железнодорожную ниточку, вероятно, видели во сне все представители высшего командования, как русского, боявшегося от нее оторваться, так и японского, стремившегося ее перервать».

Заметим, что А.А. Игнатьев ехал на войну в феврале 1904 г., т. е. после того, как регулярное движение поездов по КВЖД и ЮМЖД уже было открыто. Ехал он в составе группы офицеров Генерального штаба, т. е. с максимально возможными удобствами, какие можно было себе тогда представить. И даже при этих условиях можно заключить, что более-менее «нормально» (в бронированных вагонах) можно было доехать только до Иркутска, т. е. пока дорога не уперлась в Байкал.

Т.е. тот Транссиб, что был задуман, на самом деле Витте испортил настолько, насколько мог, и после него еще аж 10 лет пришлось все исправлять. «Правильный» Транссиб должен был идти вдоль Амура и был достроен не в 1911 г., как пишет Керсновский, а только в 1914 г. (а если считать, что полноценной дорога может считаться только при наличии минимум двух путей, то в 1916 г.). И строился он ис-

ключительно на *государственные*, т. е. бюджетные деньги, не говоря уже о том, что основной упор делался на использование труда каторжан. *«Общее число ссыльнокаторжных в Приамурском крае к 1895 г. составляло свыше 11 тыс. человек. Были созданы стационарные лагеря, состоящие из бараков для каторжников, помещений для охраны, столовых, бань, наблюдательных вышек».*

Здорово, да? Прямо сплошные «либерально-рыночные» меры, как раз для того, чтобы г-ну Сванидзе можно было побрызгать ядовитыми слюнями и соплями по поводу «сталинского Гулага»!

«Дипломированный историк» Сванидзе обязан знать – именно как историк – что во время «либерального» строительства Транссиба в 90-е годы в народе получило хождение словечко «колесуха» – страшная игра слов, вызывающая ассоциацию с одним из самых жутких видов казни и означающая осуждение на каторжные работы по прокладке этой самой железнодорожной магистрали. Учитывая невыносимые условия, сюда сгоняли самых отпетых уголовников под самой суровой охраной. В самом начале работ, в 1891 г., с «колесухи» был совершен массовый побег, от которого пришла в ужас вся Восточная Сибирь и Дальний Восток. В действие был приведен чуть ли не весь Забайкальский военный округ, развернулась самая настоящая война с беглыми каторжниками. После этого охрана была усилена настолько, что – куда там рудники Нерчинска! «Бежать с колесухи» означало в

преступном мире расписаться в том, что ты отпетый из отпетых. На такое решались только бессрочники, для которых не существовало никаких перспектив, кроме безымянной могилы вровень с землей поблизости от насыпи. И сложилась особая практика побегов – брать с собой молодого «салабона», который должен был служить «коровой», т. е. «живыми консервами». Разумеется, при подготовке побега ему об этом знать не полагалось.

Точь-в-точь – байки «нейролингвистов» о «серебряном веке» России на рубеже XIX–XX столетий и грядущем «рыночном рае» в «мировом сообществе», куда нас зовут господа дерьмократы устами Сванидзе, Никиты Михалкова и иже с ними.

Ну, и где же пресловутые «10 рыночных лет на Транс-сиб?» Только в жюльнических «хрониках» г-на Сванидзе, да еще в «образованских» сплетнях. «Правильная» организация дела (т. е. по «виттевским» правилам) как раз и привела к тому, что вместо «дороги жизни» была построена «дорога смерти». Именно потому, что «гений» Витте рассуждал не как государственный деятель, а как заурядный купчишка с повадками местечкового еврея. А ездил ли сам Витте хоть разок по КВЖД и ЮМЖД? Что-то об этом в исторических документах особо не упоминается.

Прав был граф А.П. Игнатъев, прав на все 100 %! Интересно, как расценят наши «нейролингвисты» его заведомую «предвзятость» по отношению к Витте, ведь А.П. Игнатъев

был еще бóльшим монархистом, чем сам царь, за что и погиб в результате акции, организованной царской охранкой.

Занятно, конечно, получается. Желая «убедительно» показать, что события 1905 г. имели причиной поражение России в войне с Японией, Сванидзе вольно или невольно вытаскивает на свет божий действительные причины этой войны, характеризующие как раз крайнюю гнилость царского режима, но изо всех сил старается показать, что они-то и есть процветание! Простое приведение фактов в логическую и историческую связь ставит все на свои места, но вот как раз этого и нельзя допустить нашим «нейролингвистам»!

Это особенно хорошо видно при упоминании о забастовке на Путиловском заводе.

Конечно же, причиной забастовки выставляется сдача Порт-Артура. Получается почти что лубочная картинка: пока Порт-Артур держался, рабочим было наплевать и на невыносимые условия труда, и на издевательские расчеты при выдаче зарплаты, и на 14-часовой рабочий день, и на жуткие жизненные условия в рабочих кварталах – как же, они обожали своих добрых и мудрых хозяев и вовсе не думали бастовать, а работали «за веру, царя и Отечество», отдавая все силы ради победы в войне. А вот как только сдали Порт-Артур, то сразу кинулись бастовать.

Г-ну Сванидзе, похоже, ни разу не пришлось ни посмотреть запись своих передач, ни хотя бы самому маленько прислушаться, что он изволит говорить.

Как он представляет себе связь между требованиями бастующих и сдачей крепости? Г-н Путилов-то при чем? Повторяя издевательский вопрос Никитича и Логинова, он что – по совместительству японский главнокомандующий? И требования рабочих могли заставить его отдать приказ японским войскам вернуть Порт-Артур русским?

Если уж г-ну Сванидзе так невыносимо желательно делать идиотами своих благодарных слушателей из числа «образованцев», то зачем же выставлять таковыми предков, причем как рабочих, так и капиталистов одновременно?

Сванидзе тут же переключается на то, что «вскоре бастовал уже весь Петербург»... Тоже, видать, исключительно ради выражения несогласия с занятием японцами Порт-Артура. У рабочих ну никаких других проблем, которые можно было бы решить забастовкой, не было... Впрочем, Сванидзе меньше чем через минуту сам себя и опровергает, перечисляя пункты требований рабочих в петиции царю, которую несли для вручения на высочайшее имя 9 января. Требование прекратить войну (нет, не «вернуть Порт Артур!») там только всего лишь одно из многих.

А вот Сванидзе рассказывает о Цусиме, показывая «эскадру Рожественского». На самом деле на заднем плане виднеются силуэты американских боевых кораблей первой трети XX века. Опять тупая и наглая липа, выдаваемая по принципу «пипл схавает» – лишь бы что-то показывать, неважно что.

Кстати, подобный прием один к одному повторяется и у Никиты Михалкова в его «Русском выборе», когда он точно таким же проникновенным голосом рассказывает о грустной судьбе русского Черноморского флота, ушедшего в 1920 году на французскую военно-морскую базу Бизерта. Повествуя о митинге на миноносце, он демонстрирует строй матросов на палубе под длиннющим стволом 12-дюймового орудия главного калибра. Подумаешь! Пипл все схавает – а самому «нейролингвисту» совсем даже не обязательно отличать миноносец от броненосца.

Потом Сванидзе, усиленно выставляя на первый план «честные» глаза и все так же маскируя перекошенную враньем физиономию, скорбно повествует о том, как не умеют воевать русские и какими умелыми и благородными оказались японцы. Вообще – сквозит явная мысль – не умеем мы воевать. Вот, смотрите, на параде у японского императора бывшие наши корабли – целая армада, вступившая в строй после подъема и ремонта (снова прием «пипл схавает» – показывается броненосец якобы «Хидзен», бывший «Ретвизан», и демонстрируется силуэт двухтрубного корабля, хотя «Ретвизан» во всех вариантах был трехтрубным. Кроме того, упоминать в контексте Цусимы корабли из Порт-Артурской эскадры – это тоже передергивание карт, причем настолько грубое, что даже стыдно за самого «нейролингвиста»). Ах, куда там нам против японцев! Взялись, неразумные, не за свое дело, и вот, конечно же, получили. И зачем вообще бы-

ло огонь открывать против таких-то симпатичных, благородных, милых самурайчиков? Вот сдаться на милость победителя – это да, это хорошо! Вот и пленных не то, что не притесняли – а даже позволяли жениться на японках. Ну чего нам еще желать-то? – вопрошает Сванидзе.

Это высказывание наглядно демонстрирует шкалу ценностей самого г-на Сванидзе. Особенно если вспомнить о судьбе защитников Сахалина – единицы из чудом оставшихся в живых после геноцида «милых и благородных самурайчиков» русских офицеров все были с отрезанными вместе с обручальными кольцами пальцами. Уничтожив на Сахалине их жен и детей, «милые самурайчики» загнали искалеченных пленных в провинцию Нагато на попечение японских женщин – это, по-видимому, и имеет в виду Сванидзе, когда говорит о «позволении» русским пленным жениться на японках.

Странно, что он не пригласил в качестве эксперта именно в этом месте своего «проекта» Ирину Хакамаду. Впрочем, кто знает – может, и приглашал, да она не согласилась. Вдруг она подумала – а что, если ее папа случайно мог оказаться потомком «завоевателей» Сахалина? Ведь среди зрителей столь же случайно мог оказаться и потомок камчатских охотников, которые стреляли лучше любого современного снайпера!

Кстати, безапелляционно утверждается, будто Николай II называл японцев «жёлтыми макаками». Единственный ис-

точник этого – все те же мемуары Витте. В то же время *ни одного документа*, в котором царь бы их так называл, не найдено – несмотря на заверения Витте, что их в архивах полно. Похоже, Сванидзе перепутал документы времен русско-японской и Второй Мировой войны, где в адрес японцев предостаточно заявлений такого рода как со стороны противников (англичан и американцев), так и союзников (немцев).

Вот такой он, «объективный» источник сведений, – наш кумир, «гениальный» Витте.

Далее Сванидзе желает немного «подбодрить» удрученного потерей флота «пипла». Он идёт уверенной походной по пирсу Путиловских верфей (бедняга Путилов – и как его так угораздило подвернуться под руку нашему «нейролингвисту»?) и рассказывает, как «вот здесь Россия буквально за несколько лет выстроила взамен утерянного новый, ещё более мощный, флот». Съёмки на фоне ремонтирующегося корабля. Сванидзе подводит зрителя к «запрограммированному выводу», что вот тогда флот потеряли, но построили (даже ещё более мощный) – и сейчас тоже... Флот потеряли (правда без войны, зато благодаря «реформам», которые, как неожиданно для себя показывает сам Сванидзе, страшнее всяких войн и разгромов – потери флота за 1990–2004 годы составили ни много ни мало *30 Цусим!*) – ну, новый построим. И даже ещё мощнее старого (советского).

Тут же он «упреждает» вопрос внимательного зрителя:

а на какие шиши нынешняя «демократическая» Россия сможет построить «новый ВМФ»? Всё ведь разворовали да в оффшоры повывезли... Да, спрашивает Сванидзе, а на какие деньги это было сделано? И сам же на свой вопрос отвечает, объясняя «тонкости рыночной экономики»: а вот – во всём заслуга мудрого Витте. Так и мы – нам нужно только правильно голосовать и умного экономиста (Гайдара к примеру, Грефа какого-нибудь... Ну вот Фрадков – прямо душечка!) выбрать во власть. А уж там – и флот возродим, и вообще все будет! Главное – палочка-выручалочка под названием «рынок».

Ну разве важно при этом, что иностранные займы, на которые строился новый российский флот, привели к сумасшедшей зависимости экономики от иностранного капитала, которая и послужила непосредственным поводом для будущей иностранной военной интервенции и гражданской войны! Ни в Государственном совете, ни в Государственной Думе возразить-то уже было некому – А.П. Игнатъева убили руками эсеровского придурка.

И это при всем том, что определенные выводы из опыта русско-японской войны были нашими моряками и кораблестроителями все-таки сделаны – русские корабли Первой мировой были в основном отечественной постройки и по боевым качествам превосходили аналогичные единицы противника. В этом убедились немцы, которым пришлось полностью очистить акваторию Черного моря и по возможности

не совать носа на Балтику. Те самые немцы, которые создали «патовую» ситуацию в Северном море, парализовав действия британского «Грэнд-флита» у самых берегов метрополии и наведя такой ужас на английское Адмиралтейство, который можно только сравнить с впечатлением от побед нашего адмирала Ушакова. Но высшее-то руководство осталось тем же! Только, правда, Витте был тут совсем уж ни при чем.

Но вот Сванидзе добрался, наконец, до своего любимого сюжета – о прибытии Витте на переговоры в Портсмут. Похоже, наш «нейролингвист» только здесь ведет себя искренне. Он не менторствует. Он, как ребёнок, готов хлопать в ладоши, рассказывая об «имидже» политика Витте. Он приходит в полный восторг, описывая восприятие Витте в Америке как «своего». Полный «апофегей», если использовать меткое словечко Ю. Полякова, сегодняшнего редактора «Литературной газеты».

Ах, как же он великолепно ведет себя «на публике», как же вкусно американскому «пиплу» «хавать», то, что ему преподносит Витте! Ах, посмотрите, как его встречают американские финансовые тузы! Смотрите, смотрите, как им очарованы японцы, они же заранее готовы принять все его условия! Как же великолепно, что именно Витте отправился подписывать мир с японцами, ведь лучшего представителя Россия и представить себе не могла! Какое счастье, что у сегодняшних дипломатов есть такой блестящий пример для подражания! Проклятые большевики только потому и замалчи-

вали опыт Витте, что они ему в подметки не годились по части умения вести диалог с Западом!

Кстати, мемуары Витте переиздавались при Советской власти трижды. Это – по поводу «замалчивания опыта».

Что касается содержания Портсмутского мирного договора – уже отмечалось выше. Условия Портсмута фактически закрепляли де-юре крах всей дальневосточной политики России на рубеже веков. Витте поставил подпись, которая подвела черту и под его собственной деятельностью на двух министерских постах – министра путей сообщения и министра финансов. Финансовые тузы Америки (главным образом, сионистского толка) применили против Витте точно такой же прием, какой он сам незадолго до этого применял против китайских дипломатов при учреждении Русско-Китайского банка и подписании конвенции о Квантуне – ему дали взятку. Только эта взятка была оформлена очень «профессионально» – здесь-то действовали не местечковые евреи, а глобальные действительно суперфинансисты! Помните, как хлопал в ладоши Сванидзе, отмечая теплый прием Витте в «деловых кругах» Америки, где он был «своим в доску»? Настолько своим, что во время переговоров в Портсмуте Витте ухитрился еще и поиграть на бирже, заработав при этом небольшой гешефт в виде миллиончика долларов. Что вы, разве можно рассматривать это как взятку? Это просто «человек дела», «суперменеджер». Что там потеря Курил, половины Сахалина и т. п.? Ведь он же в итоге

избавил Россию от контрибуции!

Ха! Избавил? Те же самые американские дельцы, которые якобы «продали» японцам половину Сахалина, «подмазав» Витте и «кинув» японцев с фигой с маслом вместо обещанного послевоенного кредита, тут же и надоумили японцев, как им не остаться внакладе. За «образцовое содержание русских пленных» (помните разливы г-на Сванидзе по поводу самурайского благородства в отношении к побежденным?) японцы содрали с нас ни много ни мало *сто восемьдесят миллионов* золотых рублей. Это, по мудрому совету американских «шефов», японцы ни в коем случае не именовали «контрибуцией». На эти деньги запросто можно было полностью переоборудовать и Порт-Артур, и Дальний по самому последнему слову техники, заодно построив несколько новейших кораблей и восстановив все разрушения на ЮМЖД. Что японцы и не замедлили сделать. А в западной историографии сохранились по этому поводу только сочувственные выканыя о «вероломстве» американцев (опять бедных японцев обидели!).

Так что американцы «кинули»-то вовсе не японцев. «Кинули» как раз нас, «кинули» по всем статьям через «блестящего», «гениального» политика, дипломата и финансиста Витте, который раскланивался с японцами и играл на бирже на свой «гешефт», в то время как тихоокеанская вода вокруг Сахалина кипела от русской крови.

И чтобы он не очень забывался на предмет того, кто у него

настоящий хозяин, президент Теодор Рузвельт на прощание вручил ему письмо для царя с протестами супротив русского антисемитизма. Конечно же, сопроводив напутственными словесами о том, что «если бы Витте родился американцем – обязательно стал бы президентом!».

В «интертрепации» г-на Сванидзе прощальный пинок Рузвельта выглядит как высшая похвала. Похвала «гениальному» Витте, похвала самому себе, любимому, такому «честному историку», такому «высокопрофессиональному» «нейролингвисту», сумевшему так хорошо показать аналогию между Витте и современными «реформаторами», «возвращающими» Россию на «правильный» путь.

Заодно и сделавшему пусть неуклюжий, но «книксен» перед современными представителями «несчастливого, угнетенного» российского меньшинства, о котором вез царю письмо в своем саквояже Сергей Юльевич Витте. Вроде условного знака: я, ребята, свой в доску! Так же, как Витте в Америке!

Эх-ма! Побольше бы таких «президентов» Америке – нам бы куда лучше жилось! Причем в настоящем, а не в «демшизовском» понимании этого слова. А заодно сплавить бы туда и всех «нейролингвистов» вроде г-на Сванидзе и иже с ним.

Самое оригинальное, что всю махровую «мифологию» Сванидзе, опирающуюся на «суперфигуру» Витте, решительно и бесповоротно опровергает не кто иной, как... сам Витте!

Вернувшись из Америки, Витте очень даже рассчитывал увидеть Россию успокоенной и возвратившейся к мирной жизни. Как же – война «за корейские дрова», как презрительно именовали русско-японскую войну в народе, наконец-то закончена, мир подписан, в графья произведен – вроде бы есть все основания для торжества. И что же он увидел?

Слово Сергею свет Юльевичу:

«...вернувшись из Америки... я застал Россию в полном волнении, причем революция из подполья начинала всюду вырываться наружу; правительство потеряло силу действия, все или бездействовало, или шло врознь, а авторитет действующего режима и его верховного носителя был совершенно затоптан. Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция все грознее и грознее выскакивала на улицу, она завлекала все классы населения. Весь высший класс был недоволен и ожесточен; вся молодежь, и не только университетская, но и высших классов средних учебных заведений, не признавала никаких авторитетов, кроме тех, которые проповедовали самые крайние революционные и антигосударственные теории; профессора в громадной части стали против правительства и действующего режима и авторитетно, не только для молодежи, но и для большинства взрослых, провозгласили: «Довольно, нужно все перевернуть»... чиновники, видя близко многие порядки в канцеляриях и систему протекций, развитую в царствование Николая II до гигантских размеров, стали против режима, ко-

торому служили; войско было взволновано всеми позорными неудачами войны и винило во всем совершенно основательно правительство, но, кроме того, с заключением мира явилось особое обстоятельство, внесшее большую смуту в войска, особенно оставшиеся в России: с заключением мира по закону нужно было отпустить всех, призванных на время войны, но так как в России войск оставалось очень мало, то их не отпускали, они начали волноваться, через это революционеры нашли легкий доступ в войска, в войсках начались вспышки непослушания, в некоторых случаях маленькие выступления в пользу революции с оружием в руках, поэтому многие думали, что на войска рассчитывать нельзя, и боялись возвращения армии с Востока...

Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту и что общий лозунг заключался в крике души: «Так дальше жить нельзя», другими словами, с существующим режимом нужно покончить. А для того, чтобы с ним покончить, явились борцы действия и мысли во всех без исключения классах населения, и не единичные, а исчисляемые многими тысячами...

Все объединились в ненависти к существующему режиму... Все более или менее сознательно, а кто и не сознательно, требовали перемен, встряски, искупления всех тех грехов, которые привели к безумнейшей, позорнейшей войне, ослабившей Россию на десятки лет... Войны никогда бы не было, если бы император не сделал все, чтобы она произо-

шла...

Итак, к концу сентября 1905 г. революция уже совсем, если можно так выразиться, вошла в свои права – права захватные. Она произошла оттого, что правительство долгое время игнорировало потребности населения, а затем, когда увидело, что смута выходит из своих щелей наружу, вздумало усилить свой престиж и свою силу «маленькой победоносной войной» (выражение Плеве). Таким образом, правительство втянуло Россию в ужасную, самую большую, которую она когда-либо вела, войну. Война оказалась для России позорной во всех отношениях, и режим, под которым жила Россия, оказался совсем несостоятельным – гнилым...

Явился вопрос, что же делать?... Вопрос этот резко был поставлен заревом революционного пожара».

Ах, бедные, бедные г-ны Сванидзе и прочие «нейролингвисты», ну как же их подвел их кумир! После такого-то «блестящего» визита в Америку – и такое прямо-таки марксистское заключение о положении в России написать! А они-то так старались, так старались – и вот, на тебе.

А ведь целых сто лет с тех пор прошло. Что же теперь-то делать?

Выпрямлять нашу дорогу пора. Как выпрямляли Транссиб после Витте.

Глава 2. Военный флот России – кость в горле у Запада

*Всякий potentat, когда едино войско
сухопутное имеет, одну руку имеет, а когда и флот
имеет – обе руки имеет.*

Петр Великий

Русско-японская война на море была первым в истории крупномасштабным столкновением паровых броненосных флотов, в котором обе стороны проявили наивысшее напряжение сил. Ничего подобного до этого нигде не имело места. Японо-китайская война 1894–1895 гг. не идет с ней ни в какое сравнение – ни по размаху, ни по значению для последующего развития мировой военно-морской стратегии.

Россия к началу XX века по своему военно-морскому потенциалу уступала только Англии, но Англия со времен адмирала Нельсона, т. е. наполеоновских войн, не имела серьезных эскадренных боев вплоть до Первой мировой, да и там ее военно-морской кулак больше грозил противнику, чем действовал. Русско-японский конфликт был, с одной стороны, следствием империалистических экспансий, с другой – искусно «подогревался» иезуитской политикой ведущих стран Запада.

Англия с тех самых нельсоновских времен жила кошмар-

ными грезами о появлении нового адмирала Ушакова. Практически на весь XIX век генеральной линией британской внешней политики стало максимальное ограничение российских военно-морских возможностей. Лорды британского Адмиралтейства слишком хорошо запомнили убийственный для них образ России Средиземноморской, когда эскадра Ушакова блестяще решила все свои задачи, а союзные силы под командованием Нельсона в это время не смогли ничего сделать. Распределение боевых операций – англичанам занять курортную Мальту, а русским – неприступную крепость Корфу – слишком очевидным образом напоминало пиратский рейд в духе приключений капитана Блада, когда партнеру предлагается заведомо нерешаемая задача с гарантией тяжелейших потерь, чтобы затем в случае успеха делить добычу пропорционально числу оставшихся в живых.

Мы помним, что герой Сабатини благоразумно отказался от вроде бы заманчивого предложения капитана Истерлинга отправиться вместе на поиски сокровищ легендарного Моргана. Но, во-первых, капитана Блада в действительности не существовало, а во-вторых, он был корсаром и мог принимать решения, ни на кого не оглядываясь. Ушаков же находился на государственной службе и представлял Россию перед лицом всего мира, так что отказаться от штурма Корфу никак не мог.

Что из этого вышло, мы знаем – крепость Корфу была взята, освобождены от французов Ионические острова, создана

греческая Республика Семи Островов под российским протекторатом, а супер-адмирал Нельсон все мурыжился у берегов Мальты, над которой никак не желал подниматься британский флаг. Британские адмиралтейские лорды о-ох как тяжело переваривали этот позор!

Очень возможно, что мальтийский мотив послужил одним из главных стимулов к организации убийства Павла I, который, кроме проведения антибританского курса во внешней политике, еще и возглавлял Мальтийский орден. С приходом к власти англофила Александра I призрак России Средиземноморской из поля зрения Англии временно исчез.

Но вот вспыхнула Крымская война. В лице адмирала Нахимова возродились все былые ужасы для англичан – в Синопском бою были полностью уничтожены главные силы союзных турок, и только бестолковость российского высшего руководства, не принявшего предложения Нахимова о немедленном броске на Босфор, не позволила России снова выйти на просторы Средиземноморья. Англии пришлось приложить максимум как военных, так и дипломатических усилий, чтобы запереть нас в Крыму и не дать перебросить достаточно сил на защиту Севастополя. «Владычица морей» из кожи вон лезла, чтобы продемонстрировать свое могущество, но ни одного морского сражения, в котором английские адмиралы показали бы себя наследниками Нельсона, так и не произошло.

Блокада Кронштадта лишний раз подтвердила мудрость

Петра Великого, который так мастерски расположил форты, что к Петербургу не могли пробраться не то что линейные корабли противника, но даже и мини-ялики, почему петербуржцы и устраивали массовые гуляния на Лисьем Носу, согревая в ходе танцулек английский флот.

Но дело было не только в береговых батареях, прикрывавших подходы к Петербургу. Англичане и французы о них знали и выделили для военных действий против русского Балтийского флота ни много ни мало – более 60 боевых кораблей. Превосходство над русским Балтийским флотом было почти двукратным. Английский адмирал Непир, командовавший союзной эскадрой, рассчитывал одним ударом уничтожить русский флот и, пользуясь огромным перевесом в артиллерии (союзная эскадра насчитывала до 3450 орудий), разгромить береговые укрепления, после чего путь на Петербург будет открыт. Ситуация усугублялась еще и тем, что на стороне противника было не только количественное, но и качественное преимущество – корабли англо-французской эскадры были в основном винтовыми, а русские линейные силы – парусными. В решительном бою шансов на успех для нас не просматривалось. Выход был только в поиске неожиданных для врага тактических приемов. И они были найдены.

Корабли, стоящие в Ревеле, были предварительно перебазированы в Свеаборг – старинную русскую крепость на островах, прикрывавшую подходы к Гельсингфорсу. На побе-

режье Финского залива и островах было спешно возведены новые укрепления, так что можно было координировать действия как на северном, так и на южном берегах залива (был построен телеграф и организовано круглосуточное дежурство конных постов; в шхеры был скрытно введены небольшие канонерские лодки, вооруженные каждая всего двумя орудиями, но зато крупнокалиберными). Но самое главное – то, чего противник никак не ожидал – впервые в военно-морской практике были использованы минные заграждения. Для защиты рейдов Свеаборга, Кронштадта и Ревеля было выставлено более тысячи подводных мин.

14 июня 1854 г. эскадра противника появилась в видимости Кронштадта. Передовой отряд, возглавляемый самим адмиралом, направился к Толбухину маяку. Флагманский корабль налетел на мину, и только недостаточный заряд (ведь это было первое в истории минное заграждение!) позволил кораблю Непира удержаться на плаву. Но эскадра немедленно повернула назад и отказалась от дальнейших попыток прорыва. Проведенная разведка показала, что все подходы надежно заминированы, а русские корабли стояли на рейде вне досягаемости вражеской артиллерии под защитой береговых батарей. В течение недели англо-французская эскадра стояла в видимости, усиленно совещаясь и запрашивая свои правительства о дальнейших действиях. Тогда-то и проводились веселые танцульки на Лисьем носу на фоне вражеских кораблей. Похоже, именно это привело Непира в крайнее раз-

дражение – близок локоть, да не укусишь! – и он приказал сниматься с якорей и уходить восвояси.

Провал операции по захвату Кронштадта и Петербурга привел союзников в состояние остервенения, и они, стремясь хоть как-то скомпенсировать этот конфуз, предприняли нападение на Бомарзунд – недостроенные укрепления на Аландских островах. Непир писал Первому лорду Адмиралтейства – «под свой шпиц» – *«Если мы не нападём на Аландские острова, то я не вижу, что же другое мы можем сделать»*.

Имея десятикратное превосходство в артиллерии и живой силе, противник высадил десант на Бомарзунд. Практически разрушенные укрепления были захвачены. Но что это дало с точки зрения тактического выигрыша? Ничего. Создать полноценную военную базу для своих кораблей для противника в ходе боевых действий не представлялось возможным – наверняка зимой придется выдерживать атаки сухопутных русских войск, а по этой части ни англичане, ни французы на успех не рассчитывали.

Союзные политиканы попытались устроить из захвата Бомарзунда стратегический выигрыш – посулили Аландские острова шведскому королю в качестве аванса за участие в войне против России. Но король был потомком не кого-нибудь, а маршала Бернадотта, который, усевшись на шведский трон, послал подальше самого Наполеона и отказался воевать с Россией. Сын оказался не глупее папы и поступил ана-

логичным образом, так что Луи-Наполеон сел в ту же самую лужу, что и его дядюшка. Поэтому кампания 1854 г. была завершена союзниками весьма «победно» – взорвали остатки укреплений на Бомарзунде, не оставили на Аландских островах никакого гарнизона и в начале октября убрались из акватории Балтийского моря.

Вот оценка всей кампании английской прессой: «...великолепный флот... не только не продвинул вперед войну, но возвратился, не одержав ни одной победы, без трофеев, с офицерами, упавшими духом и обманутыми в надежде приобрести славу, с моряками, недовольными тем, что они не были в деле и не приобрели никакой добычи».

Бле-е-стящий пример стратегии и тактики!

Заметим, между прочим, что «доблестные слуги Ее величества» прежде всего ставили перед собой чисто грабительские цели и были крайне раздосадованы даже не тем, что адмирал Непир показал себя совершенно бездарным флотоводцем и военачальником, а тем, что «вернулись без всякой добычи»! И что уж такого «великолепного» продемонстрировал англо-французский флот, кроме собственного позора?

Но наши военачальники не собирались впадать в эйфорию по части вражьего драпа. Все-таки, что ни говори, Аландские острова противнику захватить удалось. Это прежде всего означало, что наши укрепления слабы и нуждаются в серьезных улучшениях.

3 ноября царь издал распоряжение учредить специальный

комитет для выработки мер по обороне Финского залива. Комитет, констатируя нехватку сил, постановил оборонять только наиболее важные пункты – Кронштадт, Свеаборг и Выборг. К весне были введены в строй еще 38 новых канонерок.

Уже в мае 1855 г. англо-французская эскадра снова появилась на рейде Кронштадта. Адмирала Немира сняли с командования, теперь его место занял адмирал Дондас. Союзный флот был усилен и насчитывал теперь около 100 кораблей. Но повторилась прошлогодняя история – опять передовой отряд, посланный в разведку, угодил на минное поле. Пути к Петербургу не было!

Противник решил устроить блокаду Кронштадта. Одновременно им было решено нанести удар по Свеаборгу и высадить десант в районе Выборга. Комитет-то, выходит, все рассчитал абсолютно верно! Враг сунулся именно туда, где его ждали.

Выборгский десант был расстрелян, от повторения попыток высадки отказались.

В Свеаборге дело было посерьезнее. Поскольку на рейде Свеаборга стояли значительные силы русского Балтийского флота (3-я дивизия), разгром наших кораблей и захват крепости должны были, по мнению союзного командования, восстановить престиж их флота.

В конце июля у Свеаборга появился англо-французский флот в составе 71 вымпела. На кораблях было более 1 000

пушек. Это более чем втрое превосходило наши силы – 300 пушек на кораблях и 52 полевых орудия для обороны крепости. Более того, орудия противника превосходили наши в дальности, поэтому противник поставил корабли против крепости дугой, оба фланга которой упирались в острова. Чтобы вести обстрел безнаказанно, корабли противника не приближались к русским укреплениям более чем на 25–30 кабельтовых.

Бомбардировка Свеаборга продолжалась около 45 часов. Противник выпустил свыше 19 тыс. снарядов. Береговые батареи не отвечали, зато корабли, защищавшие главный вход на рейд, вели энергичный огонь (линейные корабли «Россия» и «Иезекиль», фрегат «Цесаревич»). Несмотря на значительные повреждения («Россия», например, простояла под непрерывным огнем 17 часов), ни один из наших кораблей не был потоплен, потому что моряки проявили исключительный героизм в борьбе за их живучесть. Наши потери составили 70 убитых и около 250 раненых, были разрушены практически все деревянные постройки, но укрепления и сами батареи получили только незначительные повреждения. Почти израсходовав боезапас, противник был озадачен: где результаты? Все русские корабли остались в строю, крепостные пушки огрызаются огнем, как и прежде, а многие орудия союзных кораблей от яростной пальбы вышли из строя. Бомбардировка прекратилась, никаких признаков намерения защитников Свеаборга выбрасывать белый флаг не просмат-

ривается, что делать дальше?

И доблестная союзная эскадра, простояв у Свеаборга еще два дня, ушла в море. Как видно, смена командующего не дала результата. Адмирал Дондас оказался нисколько не умнее адмирала Немира – тот хоть Бомарзунд захватил, а этот вообще кукиш с маслом получил. В общем, дундуки дундуками, и сплошной непёр стоит...

В Париже и Лондоне поначалу весть о бомбардировке Свеаборга вызвала ликование. Газеты вопили, что Свеаборга больше не существует. Позднее тон сообщений несколько изменился: *«Великолепный и огромный флот...высланный при всеобщих восторгах, вернулся с весьма сомнительным триумфом... Свеаборгские укрепления остались нетронутыми, а русские военные суда не уничтожены»*.

Итак, обе балтийские кампании англо-французского флота, кроме позора, ничего союзникам не принесли. Собрав огромные силы и совершив дальний поход через два моря, их эскадры дважды возвращались в свои гавани ни с чем. Что при этом говорили своим адмиралам королева Виктория и император Луи-Наполеон, документы не сохранили. Но очевидно, что перевод на русский язык их высказываний наверняка содержал бы многочисленные купюры.

Даже на Дальнем Востоке, где англо-французская эскадра под командованием адмирала Дэйвиса Прайса вроде бы не должна была встретить никаких осложнений на пути к Петропавловску-Камчатскому, – преимущество в силах по-

давяющее! – номер не прошел. Единственный фрегат «Аврора» и береговые батареи, состоявшие из пушек времен Степана Разина, оказались непреодолимым барьером для доблестных слуг британской короны, коим пришлось после нескольких неудачных попыток штурма снять осаду Петропавловска и убраться восвояси из Авачинской бухты.

Интересно, что «Аврора» была направлена на Дальний Восток больше с дипломатической, чем с военной, миссией – защищать суверенные права России в тихоокеанских водах и раскланиваться с японскими «добрыми соседями» («эра Мэйдзи» тогда еще не наступила, и с японцами пока что можно было о чем-то договариваться). Капитан-лейтенант Иван Изыльметьев повел свой 44-пушечный фрегат вокруг Южной Америки, обогнул мыс Горн и в апреле 1854 г. бросил якорь в порту Кальяо (Перу). Здесь уже торчали два фрегата англо-французской эскадры, которые недвусмысленно намеревались либо навязать Изыльметьеву неравный бой по выходе из гавани Кальяо, либо задержать «Аврору» в порту на неопределенное время «до выяснения обстановки», т. е. захватить. Изыльметьев, таким образом, попал в ситуацию, весьма сходную с той, в которой оказался крейсер «Варяг» полвека спустя.

Однако он вышел из положения с исключительным мастерством, полностью посрамив «наследников Нельсона». Спустив семь шлюпок, он под прикрытием густого тумана сумел ночью отбуксировать фрегат с внутреннего на внеш-

ний рейд (кто знает, может быть, Изыльметьев в детстве внимательно наблюдал, как черный кот на белом снегу подкрадывается к птичкам на расстояние прыжка), поднял паруса и ушел в море. Что произносили друг другу поутру brave союзники, английский адмирал Прайс и французский адмирал Депуант, можно представить – фрегат взял да и растворился! А когда мощная эскадра адмирала Прайса из 6 кораблей вошла в августе 1854 г. в Авачинскую бухту, она встретила дружеский привет в виде залпов «Авроры». Провал всех планов высадки десанта привел адмирала Прайса в такое смятение, что он покончил с собой.

За оборону Петропавловска Изыльметьев был произведен в капитаны 2-го ранга и награжден «Георгием» 4-й степени. Но это не было окончанием смелых походов «Авроры». Война-то продолжалась! И в 1855 г. Изыльметьев и его команда снова отличились в бою с английской эскадрой в бухте Де-Кастри (Амурский залив). Опять наш Иван опозорил «наследников Нельсона», за что был произведен уже в капитаны 1-го ранга.

Так что, кроме занятия Севастополя (французскими силами), англичанам нечем было похвастаться. Но и здесь викторианские стратеги не могли гордиться даже чужими успехами. Как подметил наш писатель и историк Валентин Пиккуль, Луи-Наполеон вызвал гомерический хохот в Петербурге и всех дипломатических салонах Европы, пожаловав маршала Пелисье титулом герцога Малахова. Где ему, болезно-

му, было знать, что знаменитый курган под Севастополем стал именоваться Малаховым в память об основателе дешевого кабака, открытого у подножия кургана неким Ваней-забулдыгой, большим любителем возлияний на лоне природы!

Осенью 1855 г. русские войска покинули Севастополь, но во всей России тогда можно было схлопотать по физиономии, сказав, что Севастополь *пал*. «Севастополь не пал! – доходчиво объясняли утирающему кровавые сопли. – Он лишь нами *оставлен!*». И при этом, безусловно, подразумевалось, что возвращение исконно русских крымских земель – всего лишь вопрос времени.

Но – сопли соплями, а условия Парижской конвенции, определившей устройство послевоенной Европы, были для России позорно-унизительными. Александр II, заняв трон батюшки, не перенесшего крымского позора, первым делом поставил вопрос о коренном пересмотре внешней политики. При этом ему пришлось преодолевать истерики достопочтенной матушки, вдовствующей императрицы Александры Федоровны, кричавшей: «Как ты собираешься управлять страной дураков и воров без верных слуг отца – Клейнмихелей и Нессельроде!» Александр, как известно, дал исторический ответ, показавший, что на престол пришел все-таки *русский* царь, несмотря на отягощенную наследственность: «*Батюшка был гений, потому мог себе позволить окружать трон остолопами. А я не гений – мне нужны умные люди...*». И он передал внешнеполитический портфель

своему тезке Александру Михайловичу Горчакову, сумевшему вернуть все потери Крымской войны без единого выстрела.

Прелюдией к этому явился знаменитый визит Тьера в Царское Село 24 сентября 1870 г. после катастрофы Седана и пленения прусскими войсками Луи-Наполеона. Одетый весь в черное (но не по случаю гибели многих тысяч французов под Седаном, а по причине кончины любимой тещи), Тьер с порога возопил: «Спасите Францию от поругания!». «Садитесь, – вежливо пригласил Горчаков. – Францию может спасти только Франция! Но ваши поражения опечалили всех в России, и мы с тревогой взираем на возрастание немецкой мощи». Тьер, несмотря на истерику, не забывал дипломатии: «Если Россия возглавит политику мира в Европе, властолюбию Берлина будет положен конец. А Франция обладает еще немалым источником сил и богатств, чтобы стать приятной союзницей Великой России...» При этом в речи Тьера явно прослушивалась прописная буква в слове «Великой». «Ах, – отвечал Горчаков, – если бы эти речи да слышать от Франции раньше...»

Горчаков тем самым напомнил прохиндею Тьеру о пушечных выстрелах перед Домом Инвалидов в Париже, возвещавших о подписании мира в Европе после Крымской войны. Луи-Наполеон тогда лопался от гордости, представляя себе, что он отомстил за своего великого дядюшку, прах которого покоился в том самом Доме Инвалидов.

Но конкретные условия мира были почти полностью продиктованы не Францией, а Англией. Аппетиты англичан простирались не только на черноморские военно-морские базы и верфи, но и на Кавказ и все побережье Черного моря вплоть до устья Кубани. Глава британской делегации лорд Кларедон выставил ключевым аргументом удержание русской армией турецкой крепости Карс: «Англия согласна воевать с Россией еще хоть сотню лет, но никогда не уступит русским обладание крепостью Карс!»

Граф Орлов, представлявший Россию, не поддался на провокацию – все прекрасно знали, что Карс вовсе не принадлежит Англии, и трагическая патетика Кларедона – не более чем пускание пыли в глаза для увода разговора в сторону от главных тем. «Насколько я Вас понял, – предельно вежливо обратился он к лорду, – турецкая крепость Карс крайне необходима Англии для безопасности британской короны?»

Возникла пауза, продемонстрировавшая несусветную глупость заявления Кларедона. Даже турецкий визирь Али-Паша – лицо самое что ни на есть заинтересованное – не нашел, что сказать. За него опять же высказался Кларедон: «Мы отлично сведущи в том, что Кавказ – это открытые ворота в Индию!»

Само собой – в огороде пышным цветом расцвела бузина, срочно сообщайте здоровье киевского дядьки! Орлов, почувствовав, что перехватил инициативу, пригвоздил Кларе-

дона к стенке: «Зачем же Вы, милорд, обладая Индией, так хотите колотить стекла в русских окошках?»

Ловко задуманный британцем ход с розыгрышем вроде бы беспроегрышной карты Карса провалился. После этого поездки на Орлова по поводу всего кавказского побережья были отвергнуты даже главными британскими союзниками. Граф Валевский – министр иностранных дел Франции – был родным сыном Наполеона I. Но он никогда не забывал, что его матерью была Мария Валевская – полячка и российская подданная, недаром он с гордостью носил ее фамилию и титул. (А какой пленительный образ графини Валевской создала Беата Тышкевич в фильме «Марыся и Наполеон»!) И Кларедон обескураженно услышал реплику Валевского: «Не делите, милорд, то, что Вам не принадлежит...»

Несмотря на все старания Орлова, условия мира были оскорбительными для России. Побережье Кавказа отстоять удалось, даже остров Змеиный, позволяющий заткнуть устье Дуная, остался в наших руках. Но! – мы не имели права ни держать военный флот на Черном море, ни строить его. Путь в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы был для нас наглухо закрыт.

Передавая Горчакову дела внешней политики, царь отчеркнул статью Парижского трактата: «Вот! Самый нетерпимый и оскорбительный пункт – *нейтрализация Черного моря!*» – «Да, – согласился Горчаков. – Европа схватила нас за глотку, и я почел бы за счастье дожить до того дня, когда

Парижский трактат с его позорными статьями будет уничтожен». – «Вам и карты в руки!»

Без сомнения, Тьер все это вспомнил, слушая слова Горчакова: «Если бы раньше». Слова эти означали, что цена независимости Франции – это потеря Эльзаса и Лотарингии, но не только это. 19 октября 1870 года, в день годовщины окончания Царскосельского лицея, выпускником которого Горчаков был одновременно с Пушкиным, наш государственный канцлер выступил с циркуляром, объявлявшим всему миру: Россия отказывается от соблюдения статей Парижского трактата о нейтрализации Черного моря.

Первым на это истерически отреагировал, естественно, посол Ее Величества королевы Виктории: «Ваш циркуляр встречен в Лондоне с ужасом!» – «Чрезвычайно вам благодарен, милорд, – ответил Горчаков. – Вы дали мне возможность прослушать эрудированную лекцию по международному праву. Некоторые моменты на эту тему я даже освежил в памяти!»

Севастополь начал пробуждение ото сна. 15-летняя оккупация никоим образом не придала ему облика *нерусского* города. Дипломатия сделала свое дело. Теперь предстоял гигантский труд по возрождению Черноморского флота.

Но все это время не дремала военно-морская мысль на Балтике. Имея в виду непрременную ликвидацию Парижского трактата, российские моряки и инженеры неустанно творили новый – броненосно-паровой – флот. Само слово «бро-

неносец», обозначавшее принципиально новый класс кораблей, – слово русское. Визит в Англию броненосца «Петр Великий» в 1881 г. вызвал нечто вроде шока – подобных кораблей не было ни в одном флоте мира. Вплоть до русско-японской войны броненосцы во всех флотах строились именно по такому типу. После франко-прусской войны, итоги которой благодаря вмешательству России, были, мягко говоря, не совсем такими, как хотелось бы кайзеру Вильгельму I и канцлеру Бисмарку, Балтийский флот неоднократно служил весьма убедительным аргументом для выработки правильных политических решений.

Например, осенью 1872 г. состоялся визит в Берлин австрийского императора Франца-Иосифа. При подготовке этого визита никаких уведомлений о предстоящей встрече в Петербург не поступило. Царь, естественно, расценил это как попытку сговора в ущерб российским интересам, тем более, что напряженность между Россией и Австрией, вызванная статьями Парижского трактата, оставалась. Александр пригласил германского посла Рейсса на летние маневры Балтийского флота полюбоваться, как лихо наши броненосцы рушат целевые щиты.

Командовал броненосными силами адмирал Григорий Иванович Бутаков, имя которого, к сожалению, осталось почти в забвении у нынешних лихих военно-морских историков. А ведь именно Бутаков был «отцом» отечественного броненосно-парового флота, и именно он командовал отря-

дом броненосно-паровых фрегатов в Крымской войне, не дававших покоя противнику до последних дней обороны Севастополя. Как говорили некоторые участники обороны, пароходо-фрегаты Г.И. Бутакова, *«не только научили нас своими подвигами при обороне Севастополя, как и чем должны и могут суда парового флота оказывать содействие военно-сухопутным силам при совместных их действиях, – но даже... доказали, что дух единения сухопутных и морских сил может совершать чудеса»*.

В самые опасные моменты неприятельского обстрела Бутаков упрашивал Нахимова перевести его на какую-нибудь батарею. Но Нахимов наотрез отказал: «Нельзя-с, – заявил он Бутакову. – Вас нужно сохранить для будущего флота».

Ах, Павел Степанович! Великий флотоводец умел смотреть сквозь время. Глядя на отважного молодого капитана 2-го ранга, он, только что приказавший затопить весь свой победоносный парусный флот, но сохранивший пароходо-фрегаты Бутакова, видел свою неминуемую гибель на бастионах Севастополя, но видел и завтрашний могучий броненосно-паровой флот, создаваемый вот такими молодыми моряками. Пройдет совсем немного лет, и адмирал Бутаков будет такими же глазами смотреть на молодого мичмана Степана Макарова.

В ужасные дни августовской бомбардировки и последнего штурма Бутаков со своими пароходами защищал с моря левый фланг русских укреплений. Он осуществил порази-

тельный маневр: сумел так близко подойти к восточному берегу Килен-балки, что оказался неуязвимым для французской батареи, так как ядра этой батареи (как и следовало по его расчетам) перелетали через корабль поверх труб. Бутаков *«первый подавал экипажу пример редкого хладнокровия и неустрашимости. Все приходили в восторг, глядя на него, спокойно распорядившегося, как будто около него не летали ядра, и не было вероятности быть убитым каждое мгновение»*.

До последнего дня обороны Севастополя Бутаков оставался на флагманском пароходо-фрегате «Владимир» и активно участвовал в отражении штурмов противника. В ночь на 31 августа 1855 г. Бутаков, по приказу адмирала Ф.М. Новосильского, снял команду со своих пароходо-фрегатов и затем затопил их.

С 1867 по 1877 г. Бутаков командовал эскадрой броненосных кораблей Балтийского флота, которую при нем стали называть «умственной лабораторией флота». С подачи Бутакова в мировой практике утеснилось не только русское слово «броненосец», но и «броненосный крейсер» и вообще «броненосный корабль».

В связи с постоянно натянутыми отношениями с Англией, чреватými чуть ли не в любой момент превратиться в военный конфликт, была разработана концепция крейсерской войны на океанских коммуникациях. Ее основоположниками были адмиралы Г.И. Бутаков, А.А. Попов, Н.М. Чиха-

чев. Затем она была развита их прямым учеником С.О. Макаровым. Тип броненосного крейсера, разработанный русскими кораблестроителями при непосредственном участии и под руководством этих флотоводцев, как и эскадренного броненосца, был взят за основу во всем мире.

Это (уже задним числом) признавали и спесивые британцы: *«Русские были первыми, – писал Э. Рид, – кто решил проблему броненосного крейсера, в котором большая скорость могла сочетаться с эффективной защитой против орудий большинства мореходных судов, бывших тогда на плаву... Этот тип оказался столь успешным, что был воспроизведен и усовершенствован в большинстве флотов великих держав».*

Но Г.И. Бутаков был не только новатором по стратегической и материально-технической части. Он придавал исключительное значение тактической подготовке командного состава. Вот строки из его приказа: *«Каждый морской офицер должен быть лучшим матросом, лучшим боцманом своего судна, чтобы иметь нравственно право требовать от подчиненных своим примером всего того, что им приходится исполнять».*

Нужно ли говорить, что эти слова полностью соответствовали представлениям о том, каким должен быть морской офицер, у мичмана Степана Макарова, служившего под командой Бутакова, но не просто соответствовали, а стали основой всего образа жизни!

«Принц, – между прочим сказал царь на ушко своему гостю, увлеченному созерцанием интересного зрелища, – разве в Берлине (залп!) не хотят видеть меня вместе (залп!) с австро-венгерским монархом? (залп!)»

Не правда ли, легко понять, почему посол после этого немедленно выдал предложение своему сюзерену о приглашении на встречу обоих Александров – и Романова, и Горчакова?

К этому времени в Германии уже был разработан план нападения на Россию – знаменитый план Мольтке о войне на два фронта. Решительные победы над Австрией и Францией непомерно разожгли аппетиты германского генштаба. Но Бисмарк подверг этот план уничтожающей критике: *«О какой войне с Россией вы, Мольтке, беретесь рассуждать? Ведь в России нет объектов, захватив которые, вы могли бы торжествовать победу. Русского мало убить – его надо еще повалить. Допустим, вы дошли даже до Урала, а что дальше? Останется одно – повернуть домой. Но я не уверен, что вы сможете при этом донести до Берлина мешок со своими костями».*

Не следует, конечно же, думать, что Отто фон Бисмарк был русофилом, хотя он и провел в России, пожалуй, лучшую пору своей жизни в качестве прусского посла. Нет, он не был ни русофилом, ни русофобом. Просто он был человеком выдающегося ума и настоящим политиком, не способным на авантюры. Поэтому он не считал возможным зади-

раться с Россией, не обеспечив должного запаса прочности. Встреча в Берлине и была такого рода актом, в ходе которого Бисмарк пытался укрепить южные фронты: *«Австрию мы загоним на Балканы, где она обязательно столкнется с сопротивлением России, желающей освободить братьев-славян... Так что, Мольтке, не волнуйтесь, я не бездельник, и у меня для всех в Европе найдется достаточно работы!»*.

Балтийский флот, как мы видим, позволил даже существенным образом повлиять на сугубо континентальные планы «железного канцлера». Но то, что Россия – это великая морская держава, никоим образом не забывалось ни нами, ни нашими союзниками, ни противниками. Александру III принадлежат развивающие мысль Петра Великого, но горькие слова о том, что у России есть только два настоящих союзника – это ее армия и флот, и что России надлежит либо быть великой державой, либо не быть вообще. Разве пресловутая «владычица морей» – Великобритания – омываема водами трех океанов? Никоим образом. Все ее имперские амбиции – это следствие самых что ни на есть пиратских захватов чужих земель с неописуемыми масштабами грабежей. А наши морские границы – это именно *наши собственные* границы, где на берегах живем мы сами, а не изнасилованные, униженные и ограбленные хозяева этих земель. Именно это никогда не давало покоя и до сих пор не дает спокойно спать западным «вершителям судеб мира», потому что в их схему мироустройства мы никак не вписываемся.

Сближение России и Франции продолжалось и после смерти Горчакова, и после отставки Бисмарка. Но если состязание двух мудрейших и дальновиднейших европейских политиков все-таки прежде всего касалось континентальных интересов, то в 90-е годы на первый план вышли морские проблемы.

Франция, избежавшая благодаря поддержке России расплющивания германским сапогом, создала огромную колониальную империю. Площадь заморских колоний Франции лишь немногим уступала английским. Прежде всего это относилось, конечно, к Африке. Посему торговые пути через Средиземноморье стали в самом буквальном смысле кровеносными сосудами колониальных империй. Событием особой важности стало открытие в 1869 г. Суэцкого канала, строительство которого велось по инициативе и на деньги французов. Англия не вложила в строительство ни пенса, рассматривая поначалу этот проект как исключительно вредный для своих имперских интересов. Опасная перемычка для кратчайших путей в Индию! Пусть тот, кому хочется, плавает вокруг Африки – а на этом пути все ключевые порты схвачены англичанами. Глава Форин Оффис Бенджамин Дизраэли с раздражением сообщил королеве Виктории: «Величайшая глупость нашего века свершилась – французы, как мы им ни мешали, докопали-таки эту Суэцкую канаву. Но мы поступили умно, не вложив в песок Египта ни единого пенса. Теперь надо закрыть канал с обеих сторон, а ключи

от дверей пусть лежат у нас в кармане. Канал должен стать британским, и Англия, только она, станет собирать пошлину с кораблей под разными флагами!»

Британская беспардонность оказалась беспроигрышной – после войны с Пруссией Франция была зажата в тисках контрибуции, и англичане, предварительно обанкротив египетского хедива, в 1875 г. тайно получили от Ротшильдов 4 млн. фунтов стерлингов и скупили контрольный пакет акций Суэцкого канала. Ротшильд же, как мы помним, был активнейшим пособником улаживания финансовых проблем между Францией и Германией по поводу выплаты контрибуции, которую вначале немцы потребовали в размере 7 млрд. франков, но благодаря российскому посредничеству ее удалось уменьшить до 5 млрд. Вот где мерзавец, так мерзавец!

Но Ротшильд Ротшильдом, а после 1875 г. через Средиземное море шло 26 % английского импорта и 30 % экспорта. От безопасности средиземноморских путей в значительной степени зависели целостность и благополучие британской колониальной империи. Стоит ли полагать, что французы пришли в буйный восторг оттого, что англичане прибрали к рукам Суэцкий канал у них из-под носа? Франция в это время была второй после Англии морской державой и держала главные силы именно в Средиземном море. Хотя французы и ходили в английских союзниках, но англичане весьма пристально следили за их настроениями в подзорные трубы с баз на Кипре, Гибралтаре, Мальте и – после «прихватиза-

ции» Суэцкого канала – в Египте. После Крымской войны сильные британские эскадры постоянно торчали у входов в Босфор и Дарданеллы.

Но вот в октябре 1893 г. в Тулон – главную средиземноморскую базу французского флота – пришла с дружественным визитом русская эскадра с Балтики под командованием адмирала Ф.К. Авелана. Британские адмиралы, надо полагать, испытали достаточно бурные эмоции, прочитав названия наших кораблей: «Император Николай I» (флагман), «Адмирал Нахимов», «Память Азова»... Как будто вернулись могучие противники в Крымской войне и никакого Севастополя, оставленного русскими, и в помине не было! Да только Франция уже выглядела не как главная ударная сила против России, а совсем наоборот. Британское Адмиралтейство снова было близко к истерике. А это были еще цветочки! В декабре 1893 г. в Лондоне с ужасом узнали, что Франция и Россия подписали союзный договор, все статьи которого были строго секретными. После этого «средиземноморская проблема» превратилась для британских адмиралов и политиков в сущий кошмар.

Чтобы лучше понять, почему Лондон так переполошился от визита в Тулон русской эскадры, необходимо вспомнить, что аксиома английской (да и не только английской) военно-морской стратегии гласит: военный корабль должен быть там, где находится враг. Потенциальным врагом для британского Адмиралтейства является всякий корабль, на котором

стоит хотя бы одна пушка и над которым развевается любой флаг, кроме английского. Средиземное море – наиболее вероятный театр возможного морского конфликта, поскольку через Средиземноморье пролегают важнейшие торговые пути и именно здесь сосредоточены главные силы флотов Франции и Италии.

Ну, положим, Италию надменные британцы не принимали всерьез как военно-морскую державу. Но французский флот очень даже заботил англичан, поскольку представлял весьма боеспособное соединение.

Вроде бы Франция с времен Наполеона I никогда не задиралась с Англией и была ее надежной союзницей. Но надо ли говорить, что англичане только тогда считали любой союз надежным, когда союзник был заведомо слабее их.

Сложив силы французов и русских, причем, добавив к арифметике еще и восторги французов, приветствовавших русскую эскадру так, как если бы этим визитом Россия со служила Франции неоценимую службу, британское общественное мнение (читай: деловой истэблшмент) принялось изо всех сил давить на моряков и политиков с требованиями исправить положение на флоте Ее Величества. А уж когда к арифметике добавился совершенно секретный союзный договор, надо было принимать самые чрезвычайные меры.

Если бы знать господам из Форин Оффис и Адмиралтейства, что во франко-русском договоре от 23 декабря 1893 г. не было не то что ни одной статьи, задевающей интересы Ан-

глии, но и вообще *ни одного слова* ни о военно-морских проблемах, ни о франко-английских, ни о русско-английских отношениях! Даже «третьих стран» в договоре не упоминалось – весь он целиком был направлен против конкретного Тройственного союза (Германии, Италии и Австро-Венгрии).

Впрочем, зная стиль британской внешней политики, вполне можно допустить, что английские спецслужбы раздобыли экземплярчик франко-русского договора, и Форин Оффис прекрасно знал, что там написано, но предпочитал мутить воду с целью ловли нужной для себя рыбки.

Нет слов, двойная мораль всегда была в арсенале политики, но именно в викторианской Англии она была доведена до виртуозности. Более того, и мораль общественная – сиречь светская – тоже была настолько пронизана «двойными стандартами», что это было бы смешно, если не было бы серьезно.

Строгость светских нравов викторианской Англии вошла чуть ли не в поговорку – даже неосторожный жест на глазах «почтенной публики» мог окончательно и бесповоротно закрыть перед неуклюжим джентльменом и – тем более! – леди двери престижных салонов. Офицер флота Ее Величества, осмелившийся жениться на даме «не своего круга», должен был немедленно подавать в отставку – все равно ему была отрезана дорога наверх по лестнице чинов и должностей.

И при всем этом Лондон представлял собой такое сосредоточение домов с «красными фонарями», что, как отмечала

«Таймс», при мужском населении Лондона менее миллиона каждый месяц два с лишним миллиона лондонцев были клиентами соответствующих заведений, т. е. в среднем каждый дееспособный мужчина посетил представительниц древнейшей профессии более двух раз. И это – те самые джентльмены, которые так дорожили своим светским престижем и смотрели на «весь остальной мир» не иначе как свысока!

Британские лорды выступили с решительными заявлениями. Так, сэр Томас Брасси, один из главных апологетов британской военно-морской доктрины, писал: *«Визит русского флота привлек внимание прежде всего к соотношению сил на Средиземном море... Британский флот, в настоящее время дислоцированный в Средиземном море, существенно уступает объединенным эскадрам Франции и России».*

Далее почтенный лорд настоятельно требовал увеличения военно-морского бюджета и ускорения работ по выполнению судостроительных программ.

Военно-морской теоретик адмирал Филипп Коломб был еще более категоричен: *«Мы только что избавились от заблуждения, что «первый удар» будет нанесен непосредственно по нашим берегам; теперь мы осознали, что «идеальный первый удар», который Франция сможет нам нанести при большем или меньшем содействии России – это сокрушить наш ослабленный флот на Средиземном море».* Сих джентльменов активно поддержали на страницах печати многие офицеры плавсостава.

К середине 90-х годов в Англии сформировались три подхода к решению «средиземноморской проблемы».

Брасси и Коломб представили «ла-маншскую» группу, считавшую, что наращивание флота в Средиземноморье вызовет ответные аналогичные меры со стороны Франции и России и в конечном счете не приведет к кардинальному изменению соотношения сил в пользу Англии. Поэтому следует укреплять флот не в Средиземном море, а в районе Ла-Манша, непосредственно у берегов Франции. С одной стороны, это будет давлением на союзника, внушающим ему почтение к Джону Булю, непрерывно дымящему трубами на горизонте, обозреваемом с родных берегов, с другой – внушением сознания того, что Ла-маншская эскадра в случае необходимости может прибыть в Гибралтар за 4 дня. Так что союзники Великобритании могут не обольщаться арифметикой, поскольку в мирное время она не имеет значения, а в случае военного конфликта флот метрополии в два счета превратится в средиземноморский.

С точки зрения другой группы, получившей в прессе прозвище «отзовисты», вообще не имело смысла цепляться за Средиземное море. Эта доктрина кажется парадоксальной для амбициозных британских политиков, но, тем не менее, она нашла многих сторонников, и даже тогдашний военно-морской министр Джордж Гошен разделял их взгляды.

Суть ее была обоснована авторитетным военно-морским историком Уильямом Клауэсом. Выступив со статьей, оза-

главленной «Мельничный жернов на шее Англии», он заявлял, что в случае военного конфликта самым правильным решением будет полностью вывести флот из средиземноморских вод, наглухо запереть Гибралтарский пролив и Суэцкий канал и максимально обеспечить безопасность торговых путей вокруг мыса Доброй Надежды. В этом случае Средиземноморье должно стать ловушкой для противника, поскольку будут перерезаны все морские пути Франции.

Верх, однако, одержала третья точка зрения, поддержанная большинством лордов Адмиралтейства и офицеров плавсостава, именованная «Средиземноморской школой». Немалую роль в этом сыграло мнение адмиралов, командовавших в этот период Средиземноморским флотом – Д. Хорнби, Ф. Ричардса, Э. Сеймура и особенно Джона Фишера, которому было суждено в будущем произвести настоящую революцию в кораблестроении и всей военно-морской стратегии.

Эти джентльмены призывали превратить все средиземноморские порты, находящиеся под влиянием Англии, в военно-морские базы, держать в этом регионе флот, примерно вдвое превосходящий французский и тем самым обеспечивающий решительный стратегический перевес в случае любого конфликта. Вся деятельность англичан в Средиземноморье в этот период стала напоминать лихорадочную подготовку к войне.

Масла в огонь, раздуваемый джентльменами с Альбиона,

подлил скандал, разразившийся в связи с катастрофой флагманского броненосца Средиземноморского флота Ее Величества «Виктория», унаследовавшего свое гордое имя от корабля адмирала Нельсона и одновременно являвшегося тезкой августейшей леди.

Эта катастрофа произошла незадолго до визита русской эскадры в Тулон, в июне 1893 г. Во время очередных учений командующий флотом вице-адмирал Джордж Трайон, державший свой флаг на «Виктории», решил отработать поворот двух кильватерных колонн навстречу друг другу. Это был рискованный маневр, поскольку дистанция между колоннами, шедшими параллельными курсами, была всего 6 кабельтовых, а диаметр циркуляции для броненосцев составлял не менее 4 кабельтовых. Почему адмирал приказал обеим колоннам совершить поворот на 16 румбов навстречу друг другу, не сбавляя хода, так и осталось загадкой.

Через несколько минут после начала поворота возглавлявший левую колонну броненосец «Кэмпердаун» врезался в правый борт уже развернувшейся «Виктории». Сильнейший корабль британского флота сразу начал оседать на нос и на виду у всей эскадры, при полном штиле, перевернулся и пошел ко дну. Все это произошло настолько быстро, что никаких мер ни команда флагмана, ни мателоты принять не успели. Злосчастный «Кэмпердаун», кроме изуродованного носового шпирона, существенных повреждений не получил, но тоже ничем не смог помочь своему флагману, за исклю-

чением экстренного спасения оказавшихся в воде, коих оказалось, увы, немного. Погибли 359 человек, включая командующего флотом.

Эта катастрофа вызвала международный резонанс – как-никак, сильнейший корабль «владычицы морей» за несколько минут затонул без всяких взрывов и выстрелов, причем он был с большой помпой введен в строй совсем незадолго до этого. Официальная версия обвинила во всем команду корабля – дескать, на нем не были задраены водонепроницаемые переборки. Дальнейшие обсуждения возможных версий решительно пресекались почтенными лордами Адмиралтейства и прочими официальными лицами.

Не правда ли, очень похоже на поведение официальных инстанций нашего ВМФ после гибели на стоянке у причала в Севастополе флагмана Черноморского флота линкора «Новороссийск» в 1955 г., а затем и после гибели в 2000 г. подлодки «Курск» – флагмана стратегического подводного флота России рубежа XX–XXI веков?

Правда, сто с лишним лет назад никто не пытался поднять «Викторию» (глубина явно превышала все разумные возможности подъема), но очевидно, что в случае вскрытия конструктивных недостатков корабля выяснилась бы порочность всей британской военно-морской стратегии. А этого надменным лордам, конечно, допустить было никак нельзя.

И вот в разгар дебатов в международной морской прессе на Средиземное море прибывает контр-адмирал Степан

Осипович Макаров, сменивший Авелана на посту командующего Средиземноморской эскадрой. Он демонстрирует заинтересованным лицам (среди которых был и начальник штаба верховного командования Германии Альфред фон Тирпиц, отметивший этот эпизод в своих мемуарах) модель броненосца «Виктория», которая при *задраенных* переборках и проделанной в борту пробоине, аналогичной полученной в столкновении с «Кэмпердауном», точно так же, как и оригинал, переворачивается и идет ко дну.

Приходится ли удивляться лихорадке, охватившей все британское Адмиралтейство? Призрак России Средиземноморской воскрес теперь уже в облике Макарова. Средиземное море образца 1893–1896 гг. буквально кипело от постоянных маневров больших соединений британского флота, которые неустанно практиковал сменивший погибшего Трайона адмирал Эдуард Сеймур.

Однако для пушей уверенности в своей правоте джентльменам из Адмиралтейства необходимо было вообще исключить возможность столкновения с соединенными силами флотов Франции и России. Для этого они обратили свои взоры на Дальний Восток. Нет, они не собирались посылать туда свои мощные эскадры для создания нового театра военных действий против России. Как обычно, они принялись загреть жар чужими руками.

Продав несколько канонерок Китаю, они изобразили чрезвычайную озабоченность «ростом милитаристских на-

строений в правящих кругах империи Цин» перед лицом стремительно увеличивающей свои амбиции Японии. Япония, вступившая в империалистическую «эру Мэйдзи», старательно перенимала британский военно-морской опыт с прагматизмом, далеко превосходящим все западные мерки. Стоит ли говорить, что она приняла все меры к «уравновешиванию военно-морского потенциала» с Китаем, что как раз и было нужно англичанам – с одной стороны, выгодные кораблестроительные заказы, с другой – завязка тугого клубка противоречий, развязать который без войны будет нельзя. Повод к войне – это уже «дело техники».

Вот хроника событий 1894 г.:

5 июня. Корейское правительство обратилось к Китаю с просьбой прислать войска для подавления крестьянских выступлений.

9 июня. Отряды китайских войск численностью около 2500 человек начали высаживаться в корейских портах. Воспользовавшись этим, свои войска в Корею направила и Япония (посылка войск Китаем и Японией в Корею для подавления крестьянских восстаний была предусмотрена конвенцией 1885 г.), предъявив при этом ряд требований корейскому королю, выполнение которых означало установление контроля Японии над Кореей.

24 июня. Японские войска вошли в Сеул.

20 июля. Японский посланник вручил ультиматум корейскому правительству с требованием о немедленном выводе

китайских войск.

23 июля. Военный переворот в Сеуле, совершенный при поддержке японских войск.

27 июля. Новое правительство обратилось к Японии с «просьбой» об изгнании из страны китайских войск.

25 июля. Четыре японских крейсера атаковали два китайских крейсера на рейде Асань. Крейсер «Нанива» потопил недалеко от порта Чемульпо зафрахтованный цинским правительством английский пароход «Каушинг» с 1300 китайскими солдатами, более тысячи из которых погибло.

29 июля. В районе Асаня (южнее Сеула) японцы разгромили китайский отряд, остатки которого отошли к Пхеньяну. Японская армия повела стремительное наступление на север Кореи.

1 августа. Япония официально объявила войну Китаю.

Заметим, что японцы нисколько не сковывали себя соблюдением норм международного права, в том числе и по отношению к своим наставникам – англичанам.

Во-первых, они развернули военные действия без объявления войны. Объявить войну они посчитали уместным только тогда, когда все тактические козыри оказались у них в руках.

Во-вторых, их нисколько не смутила английская принадлежность парохода «Каушинг», хотя командир крейсера «Нанива» капитан 1-го ранга Хейхачиро Того всем, чему он научился в области военно-морской премудрости, был обя-

зан англичанам. Еще в 1871 г. он, юный кадет, отправился в Англию, в Темзский Навигационный колледж, и вернулся только в 1878 г. уже после кругосветного путешествия на английском паруснике «Уорчестер», прохождения курса математики в Кембридже (!), изучения судостроения в Гринвиче и артиллерийского дела в Портсмуте. Приверженность британским морским традициям несколько не препятствовала Того служить интересам священного микадо с фанатической преданностью.

Пароход «Каушинг» шел в залив Асань на абсолютно законных основаниях по просьбе корейского правительства и имел на борту двух китайских генералов, 1300 офицеров и солдат, 12 орудий и главного советника по военным делам у китайцев, германского артиллерийского офицера Ганекена. Командир «Нанивы» уверенно скомандовал провести минную атаку, хотя отлично видел над пароходом английский флаг.

Очень скоро, 17 сентября, Того Хейхачиро-сан получит уже настоящее боевое крещение – в сражении в устье реки Ялу в составе «летучей эскадры», потопившей китайский броненосец «Лай-Иен». Это сражение стало первым в истории эскадренным столкновением паровых броненосных кораблей, хотя масштабы его вряд ли тянут на «полновесный» эскадренный бой. Тем не менее, сражение очень внимательно изучалось военными моряками во всем мире, прежде всего в России. Петербургское Адмиралтейство уже задумалось

над возможностью войны с Японией, поскольку японо-китайский конфликт имел место в непосредственной близости от российских границ и прямо затрагивал интересы российского финансово-промышленного капитала.

Именно это и составляло главную задачу британской дальневосточной стратегии. Чтобы втянуть Россию в кровавую кашу, можно было и закрыть глаза на потопление чересчур прилежным учеником своего же парохода со своим же экипажем. С особенным удовольствием потирали руки британские политиканы по той причине, что возмущенная нота Японии, высказанная Россией при поддержке Франции и Германии по поводу Симоносекского договора, показавшего гигантские амбиции победителей, оставляла Англию со всеми ее интересами в тени. Конечно, сама по себе нота вряд ли была способна вразумить японцев, действовавших под лозунгом «Весь мир под японской крышей» и уже топтавшихся на Курилах, Сахалине и в Приморье, но в Желтое море решительно вошли соединенные военно-морские силы России, Франции и Германии, против которых японцы не были в состоянии выставить убедительных аргументов.

Российскую эскадру привел на Дальний Восток Степан Осипович Макаров, и привел он ее не откуда-нибудь, а из Средиземного моря. Приказом по флоту от 19 ноября 1894 г. он был назначен командующим эскадрой Средиземного моря вместо Авелана, ушедшего в Главный морской штаб. Эскадра на тот момент состояла из флагманского броне-

носца «Николай I», крейсера «Владимир Мономах», канонерских лодок «Кубанец», «Гремящий», «Отважный», «Револь» и крейсера-яхты «Полярная Звезда».

Эскадра Макарова, кроме крейсера-яхты, оставленной в Пирее, пришла в Тихий океан 18 апреля 1895 г. для присоединения к эскадре вице-адмирала С.П. Тыртова, стоявшей в Нагасаки. Макаров поступил под начальство Тыртова сперва как младший флагман, а затем как начальник штаба эскадры. Тыртов настолько подпал под влияние могучей личности Макарова, что фактически передал ему командование всеми тихоокеанскими силами.

Макаров никоим образом не был новичком в тихоокеанских водах. Полезно вспомнить, за что Макаров был произведен в контр-адмиралы.

29 сентября 1885 г. капитан 1-го ранга Макаров был назначен командиром парусно-винтового корвета «Витязь», на котором совершил кругосветное плавание. 25 апреля 1887 г. «Витязь» пришел в Иокогаму, где присоединился к эскадре вице-адмирала В.П. Шмидта. В составе эскадры «Витязь» посетил различные порты Японии и затем прибыл во Владивосток.

После этого в 1887 г. Макарову было поручено в самостоятельном, вне эскадры, плавании осмотреть и описать различные малопосещаемые порты на островах Тихого океана; на протяжении шести месяцев «Витязь» посетил 30 портов, подробно исследовал характер океанических течений

Куро-Сию и Ойя-Сию и доставил обстоятельные сведения, имевшие исключительное значение на случай крейсерской войны. Тогда еще Япония не рассматривалась как вероятный противник на море, все эти операции имели целью противодействие Англии. После плавания и заходов в японские порты корвет вышел в обратный путь в Средиземное море, заходя по дороге в Гонконг, Камранг, Сайгон, Сингапур, Коломбо, Аден, Суэц. 22 марта 1889 г. «Витязь» прибыл в Пирей, произвел текущий ремонт и через Мальту, Алжир, Гибралтар, Кадикс, Шербург, Копенгаген вернулся в Кронштадт.

Описание проведенных во время плавания гидрологических работ, составленное Макаровым под общим названием «Витязь» и Тихий океан», состояло из двух громадных томов, было отмечено несколькими престижными премиями и стало настольной книгой по океанографии во всем мире.

Показательно, что первый том этого фундаментального труда завершается вопросом автора: «Мешает ли работа по изучению моря содержанию военных кораблей в боевой готовности?». В качестве ответа на этот вопрос Макаров приводит несколько примеров, убедительно доказывающих, что не мешает, а помогает.

«Военный моряк – прежде всего моряк! Иначе он плохой военный» – этот лозунг Макарова сопровождал все лучшее в нашем военном флоте на протяжении всей последующей истории. После возвращения «Витязь» участвовал в регулярном смотре, показавшем блистательную боеготовность

корабля. 13 марта 1890 г. Макаров был произведен в контр-адмиралы с формулировкой: «за отличия по службе».

Присутствие таких убедительных аргументов, как броненосные силы трех стран, в качестве «довеска» к ноте протеста, не могло не убедить японцев, что их имперские аппетиты следует умерить. Япония, скрипя зубами, отказалась от Ляодунского полуострова (не забыв, впрочем, выторговать дополнительную контрибуцию), но с 1896 г. стала форсированным порядком готовиться к войне с Россией, рассматривая ее как главного противника.

Вся контрибуция была вложена японцами в строительство новых военных кораблей (главным образом на английских верфях) и в развертывание небывалой дотоле сухопутной армии.

А что же Англия? В Лондоне сначала пребывали в эйфории по поводу ловко завязанного узла противоречий на Дальнем Востоке, в который втянулись не только Россия и Франция, но и Германия. Вроде бы «средиземноморская проблема» отменно разрешилась.

Но немедленно вслед за этим британские политиканы ощутили беспокойство по поводу возможного ущемления своих интересов уже в этом регионе. Такова уж природа империалистического гадючника – никакое мирное сосуществование невозможно, либо ты пожираешь кого-то, либо кто-то пожирает тебя.

Первой проявила «гадючью инициативу» Германия, под

шумок умыкнувшая у Китая полуостров Шаньдун с важным стратегическим портом Циндао. Под предлогом мести за гибель двух немецких католических священников-миссионеров, убитых разбушевавшейся толпой (а еще мы помним, что торпеда, выпущенная в английский пароход по команде Того, отправила на дно не только китайских военных и английских моряков, но и немецкого военного советника) кайзеровская эскадра вошла 14 ноября 1897 года в бухту Цзяочжоу у полуострова Шаньдун. Высадившийся десант занял порт. 6 марта 1898 года этот порт вместе с 50-километровой полосой вокруг залива был «сдан в аренду» Германии на 99 лет. Кроме того, ей было позволено построить две железные дороги и эксплуатировать месторождения угля на полуострове. Не правда ли, мало не покажется!

Конечно же, эта акция была предпринята не без ведома России, которая заключила в 1896 г. два соглашения с Японией о Корее, благодаря которым Россия получила право держать в Корее войска, осуществлять контроль за армией и финансами Кореи и вести лесоразработки в долине реки Ялу.

Летом 1897 г., когда кайзер Вильгельм гостил в Петергофе, он испросил согласия России, располагавшей правом стоянки своих кораблей в Циндао, на занятие гавани Киао-Чао, нужной для стоянки немецких судов, и получил такое. Дескать, черт бы с ними, с этими немцами, пусть себе лезут на Шаньдун. Исполнение немцами своего намерения

было, мягко говоря, не очень похоже на то, что было согласовано с Россией, но в свете успехов 1896 г. это поначалу показалось второстепенным обстоятельством.

Но Россия сама встала перед проблемой базирования военных кораблей в тихоокеанских водах. До 1895 г. наши корабли могли на основании соглашения от 1855 г. (фрегат «Аврора» под командой Ивана Изыльметьева старался не зря! А фрегат «Диана» ценой собственной гибели от стихии все же обеспечил возможность адмиралу Путятину заключить-таки договор с японцами, вошедший в историю как Симодский трактат) заходить в любой японский порт. Особенно популярен был среди российских моряков Нагасаки, где вблизи порта возник целый анклавный поселок. Круглый год к их услугам были все удобства, вплоть до «временных жен» на период стоянки корабля в порту. В этом «анклаве» звучала почти исключительно русская речь.

Все бы хорошо – но только при условии, что пребывание наших кораблей не является средством давления на японские имперские амбиции. После 1895 г. ситуация в корне изменилась. Япония стала смотреть на Россию как на «врага № 1». Необходим был незамерзающий порт, независимый от Японии.

Перед глазами был пример Германии. Но если бы дело было только в германских поползновениях!

В ноябре 1897 г. от русского посланника в Китае А.И. Павлова стали поступать тревожные сведения об активиза-

ции действий английского флота. Одно из судов «владычицы морей» (канонерская лодка «Дафнэ») посетило Порт-Артур. В России возникло беспокойство по поводу того, что Англия намеревается по примеру Германии захватить Порт-Артур.

29 ноября 1897 г. новый начальник эскадры Тихого океана контр-адмирал Ф.В. Дубасов получил приказ на основании уже полученного разрешения китайского правительства направить отряд из трёх кораблей в Порт-Артур и не допустить возможного захвата его англичанами. Отряд кораблей под командой контр-адмирала М.А. Реунова в составе крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Корнилов» и канонерской лодки «Отважный» 3 декабря 1897 г. бросил якорь на внешнем рейде крепости и остался там зимовать. Второй отряд в составе крейсера «Дмитрий Донской» и канонерских лодок «Сивуч» и «Гремящий», занял рейд города Талиенван (кит. Да-лянь-вань).

17 декабря 1897 г. два английских крейсера прибыли на внешний рейд Порт-Артура, но китайцы запретили им вход в гавань. Игнорируя запрет (как же, эти «желтые обезьяны» смеют что-то запрещать владычице морей!), английский флагман зашел на внутренний рейд, где стояли три русских военных корабля. Три часа (!) командир английского отряда играл на нервах русских моряков, затем покинул порт. 18 декабря 1897 г. английская эскадра бросила якорь в Чемульпо.

Дурной пример, как известно, заразителен. 26 января 1898 г. эскадра Тихого океана под флагом контр-адмирала

Ф.В. Дубасова почти в полном составе собралась на рейде Порт-Артура. По приказу из Петербурга Дубасов имел задачу осмотреть Порт-Артур на предмет военно-морской базы и дать своё заключение. 2 марта Дубасов сообщил своё отрицательное мнение, аргументированное практическими неудобствами и стратегической непригодностью этой базы. Но отказ от Порт-Артура никак не входил в планы политического руководства России.

На двусторонних переговорах 1897–1898 г.г. о предоставлении Китаю денежного займа Россия выдвинула требование аренды южной части Ляодунского полуострова (Квантуна) и проведения железнодорожной ветки от трассы КВЖД (от Харбина до Порт-Артура). Китай, остро нуждавшийся в деньгах для выплаты контрибуции Японии, вначале не пошёл на столь невыгодную сделку.

Возникла очень своеобразная ситуация: с Китая уже вроде и так содрали дополнительную контрибуцию, отказавшись от Ляодуна, причем отстояла Ляодун для Китая Россия. Теперь же Россия, соглашаясь помочь выплатить ту самую контрибуцию, требует Ляодун себе. Вроде бы: «Я твою землю у чертовых макак отбил, но ты, паря, губки не раскатывай. Отбил-то я землю для себя!»

Китай обиделся и задумался – «Ну и благодетель на мою голову!» Тогда в борьбу за заем вступила Англия (джентльмены и тут своего не упустят!). 17 февраля 1898 г. Китай оформил заем у англо-германского Гонконг-Шанхайского

банка, после чего внимание Англии к Порт-Артуру якобы ослабло. Британские «благодетели» (а вместе с ними и германские – ну, прямо супер-гадючник!) изо всех сил обостряли противоречия теперь уже между Россией и Китаем. И своего добились – 24 февраля 1898 г. на совещании у великого князя Алексея Александровича было принято окончательное решение об аренде Квантуна.

Китай однако, затягивал переговоры по уступке полуострова. В связи с этим в распоряжение контр-адмирала Дубасова был направлен десант для занятия Квантуна силой. Высадка десанта намечалась на 15 марта, но уже 11 марта А.И. Павлову удалось добиться уступки мирным путём.

15 марта в Пекине стороны подписали русско-китайскую конвенцию, согласно которой территория Квантунского полуострова с прилегающими островами передавалась России в аренду на 25 лет. Конвенция закрепляла за Россией приобретение портов Порт-Артур и Талиенван и давала право на строительство южной ветви КВЖД – Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) от Харбина к Порт-Артуру.

Само собой, у Японии на эту конвенцию разрешения спросить забыли, что вызвало в правящих кругах последней настоящий антироссийский взрыв. Для успокоения Японии с ней было подписано 28 апреля 1898 года новое соглашение по вопросу Кореи, по которому из Сеула отзывались русские финансовые и военные советники, а японский капитал получал возможность широкой промышленной и торговой экс-

пансии.

Здесь-то и высунулась (опять!) Англия с ревностным «блюдением» своих шкурных интересов. Как же – у ослабевшего Китая умыкают один кусок за другим, а Великую Британию ни о чем не спрашивают! Не опоздать бы к дележке пирога. Якобы в качестве «ответного шага» на аренду Россией Порт-Артура британская эскадра заняла 3 апреля 1898 года покинутый японцами Вэй-Хай-Вэй, – это всего лишь немногим более 50 миль от Порт-Артура! – получив 1 июля право «аренды» (до момента окончания российской аренды Артура), а 9 июня добилась получения на 99 лет полуострова Цзюлун (район Гонконга). Почти одновременно, 10 апреля 1898 года, Франция взяла в «аренду» на 99 лет бухту Гуанчжоу на побережье провинции Гуандун.

Вскоре великие державы разделили значительную часть Китая на сферы влияния. Сфера Великобритании включала в себя долину реки Янцзы, а также оттяпанную у французов провинцию Гуандун (с Кантоном), российская – Маньчжурию, немецкая – провинцию Шаньдун, французская – провинцию Юньнань и остров Хайнань, японская – Корею и расположенную напротив Формозы (теперешнего Тайваня) провинцию Фуцзянь.

Правда, провинция Фуцзянь не могла считаться сферой влияния Японии в том же смысле, что и «сферы влияния» европейских стран (те хозяйничали на территории Китая почище, чем у себя дома), а японцы всего лишь заручились

обязательством Китая не допускать в Фуцзянь никаких «третьих стран», чтобы не возникало «трамплина» для броска на Формозу. Так что указанная провинция скорее представляла собой «зону жизненных интересов» Японии. Но разве китайцам от этого было легче? Жадный самурайский рот деловито пережевывал Формозу и растил зубы для новых приобретений.

Вокруг Порт-Артура тоже усиленно шныряли английские корабли, но, обосновавшись в Вэй-Хай-Вэе, британцы «пришипилась». Так сказать, возьми, убоже, что мне негоже – Порт-Артур в качестве военно-морской базы имел кучу принципиальных недостатков, в полной мере проявивших себя в будущей русско-японской войне. Достоинство одно – незамерзающий порт, единственный на Тихоокеанском побережье России.

Ситуация сложилась, конечно, весьма «пикантная», обозванная польским историком Юзефом Дискантом как «дальневосточный котел ведьм». Китай поделили между собой чуть ли не все «великие державы», оттяпав вроде бы «кровную» военную добычу у Японии. Наилучшие условия для содержания военных кораблей были, безусловно, в Вэй-Хай-Вэе, основной базе китайского флота во время войны 1894-95 гг. Весьма удобным гнездышком был «арендованный» Германией порт Циндао.

По сравнению с ними каменистый и мелководный Порт-Артур, не имевший дока для ремонта больших кораблей и

допускавший выход броненосцев на внешний рейд только во время прилива, не представлял особой ценности как военно-морская база. К тому же внутренняя гавань Порт-Артура полностью простреливалась из орудий как с моря (перекидным огнем через Ляотешань), так и с суши, при установке пушек на окрестных высотах. Это отмечал в своем заключении контр-адмирал Дубасов, и это пришлось в будущем в полной мере испытать на себе нашим героическим защитникам Порт-Артура в 1904 г.

Итак, при разделе Китая под носом у Японии поживились все европейские хищники, оторвав себе жирные куски каждый. России при этом «досталось то, что осталось». Но почему-то в глазах «обиженной» Японии виноватой во всем оказалась Россия!

Надо ли говорить, что стравливать Японию с Россией было выгодно всем без исключения «великим державам»?

Ну, насчет Англии все вроде бы ясно.

Германии было выгодно прежде любой ценой убрать российский флот из атлантических вод, поскольку пангерманизм молодого кайзера Вильгельма II подразумевал, прежде всего, дальнейшее укрепление позиций Германии в Европе. Неминуемы были грядущие конфликты с Англией и Францией. Но Россия *уже* была союзником Франции, а с учетом англо-французских соглашений этот союз вполне мог стать тройственным, как впоследствии и произошло. Флот «Цур зее» (Флот Открытого моря), еще предстояло создать, но

уже явился свой, германский гигант военно-морской мысли, вполне достойный сыграть на море для Германии роль, которую сыграл на суше Бисмарк – Альфред фон Тирпиц.

Тирпиц был ровесником нашего Степана Осиповича Макарова. В их биографиях много сходного – Тирпиц родился в семье скромного прусского чиновника, в 16 лет поступил на флот, в 1889–1890 гг. командовал кораблями в Средиземном море, затем руководил сначала штабом Балтийского флота, а с 1892 г. – штабом Верховного командования. К 1895 г. дослужился до чина контр-адмирала. Как и Макаров, он получил назначение на Дальний Восток, где в 1896 г. принял под командование соединение крейсеров. Между прочим, разработчиком операции по захвату Циндао был именно Тирпиц.

Тирпиц заслужил репутацию человека выдающегося ума и незаурядных инженерных способностей. Особенное значение он придавал развитию торпедных вооружений. При всем том он отличался мягкостью, любезностью и скромностью – то есть никак не напоминал типичного пруссака, который, по его же словам, «всегда выглядит так, словно только что проглотил шомпол своего ружья». Современных ему политических вождей (не называя имен, но явно подразумевая в первую очередь августейшего кайзера) он характеризовал так: *«Неисправимые политические фантазеры; их всегда бросает из одной крайности в другую: они то боятся власти, то упиваются ею».*

Проходя службу на Дальнем Востоке, в самой сердцеви-
не «котла ведьм», Тирпиц неустанно бомбардировал Глав-
ный морской штаб докладными записками, в которых обос-
новывал необходимость для Германии иметь сильный воен-
но-морской флот. «Если мы намерены выйти в мир и укрепить
наши торговые позиции с помощью моря, – доказывал адмирал, – и не позаботимся одновременно о создании
достаточно мощного флота, постройка наша будет весьма
непрочной». Записки Тирпица стали предметом обсуждений
на самом высоком уровне и были вполне созвучны с утвер-
ждениями самого кайзера («Трезубец Нептуна должен быть
в наших руках!»), а также министра иностранных дел Берн-
гарда фон Бюлова («В наступающем веке Германия станет
либо молотом, либо наковальней»).

К 1897 г. флот Германии по своему потенциалу значи-
тельно уступал и Англии, и Франции, и России. Читая за-
писки Тирпица, кайзер преисполнился решимости изменить
такое положение дел. Тирпиц был отозван с Дальнего Востока
и назначен на должность статс-секретаря по военно-морским
делам. Новый статс-секретарь принялся за работу с ошеломляющей
энергией, и уже в декабре 1897 г. рейхстаг принял разработанную им
программу модернизации ВМС. Эта программа предусматривала
удвоение численности военного флота в течение не более семи лет.
Принятая программа начала незамедлительно выполняться, но
неутомимый Тирпиц уже разработал новый, еще более решительный,

план, предусматривавший, кроме ускорения темпов ввода в строй новых кораблей, еще и создание мощной инфраструктуры в виде доков, новых гаваней и портов, увеличение сети учебных заведений для подготовки личного состава флота. И этот план был одобрен рейхстагом, хотя не без серьезных дебатов, в январе 1900 г.

Нельзя не отметить открытие в 1895 г. Кильского канала, сократившего путь из Балтийского в Северное море с 700 миль до 61 мили. Стратегическое значение Кильского канала было просто потрясающим – Германия фактически удвоила мощь своего флота, поскольку могла перебрасывать корабли из одного моря в другое за считанные часы. Надо ли говорить, что, несмотря на дальновидность Тирпица, постоянно заботившегося о достаточно высокой степени секретности принятых по его инициативе программ, кайзер и его окружение никак не могли удержаться от хвастовства успехами Германии в наращивании мощи ВМС.

Одно только торчало занозой в самом чувствительном месте у августейших германских особ – российский Балтийский флот. Наличие могучего флота России на Балтике все время заставляло германских стратегов думать о войне на два фронта не только на суше, но и на море – и даже Кильский канал не мог быть здесь палочкой-выручалочкой.

Как мы помним, Бисмарк решительно воспротивился планам Мольтке, предусматривавшим войну на два фронта. Тирпиц, будучи прямым учеником Бисмарка в политике,

занимал весьма сходную позицию, всячески предостерегая против конфронтации с Россией.

Он с крайним неодобрением встретил охлаждение отношений между Россией и Германией из-за строительства железной дороги Берлин-Багдад в 1890 г., будучи уверен, что именно глупая политика кайзера привела к заключению франко-русского союза 1893 г. Несмотря на явно антигерманскую направленность этого союза, Тирпиц считал, что дружественный потенциал в отношениях между Россией и Германией ни в коем случае не исчерпан, и сближение между немцами и русскими – дело не только субъективной доброй воли, но и объективной необходимости.

Тирпиц в своих стратегических наметках пошел дальше Бисмарка, рассматривая возможность заключения военно-морского союза с Россией против Англии. В его планах фигурировала возможность прохода российских военных кораблей через Кильский канал для совместных действий против Англии в непосредственной близости от английского побережья. Подобных планов не строил никто со времен Непобедимой Армады! Соединенные силы Германии и России в соответствии с планами Тирпица могли превзойти английские не где-нибудь на краю света, а в водах самой метрополии. Куда там «средиземноморская проблема»! Перед флотом Ее Величества замаячила жуткая перспектива «проблемы Северного моря». Пророссийскую ориентацию Тирпиц сохранил на протяжении всей жизни.

Но! К счастью для англичан, германскую внешнюю политику направлял не Тирпиц, а кайзер. Вильгельм II мечтал поразить сначала свою обожаемую двоюродную бабушку королеву Викторию, а потом и своего любимого дядюшку короля Эдуарда в самое сердце, осуществляя не дальновидную политику Тирпица, а собственные пангерманистские фантазии. Поэтому генеральной линией военно-морской политики Германии в это время стало *устранение российского флота с Балтики*.

Дальневосточный «котел ведьм» был для кайзера как нельзя кстати. Всячески поддерживая российскую экспансию на Дальнем Востоке, Германия с восторгом отмечала как свой успех каждый русский корабль, появлявшийся в тихоокеанских водах. Наверно, в это время нельзя было найти более близких друзей и обожающих друг друга родственников, чем кайзер Вильгельм и его кузен Николай II.

Невероятно, но факт – проводя антианглийскую политику, Германия якобы старательно помогала России, но на самом деле изо всех сил толкала Россию в кровавую кашу, т. е. делала, в сущности, то же, что и Англия. Тут уж в полном смысле справедлива русская народная поговорка: избавь меня, боже, от таких друзей, а от врагов я как-нибудь и сам избавлюсь!

Франция – еще один «друг» и союзник, закрепленный договором от 1893 г. Уж здесь-то мы вроде бы должны были рассчитывать на подлинное «чувство локтя», ведь Фран-

ция была нам обязана, в сущности, сохранением своей государственной независимости. Но ведь Франция была не только нашим, но и *английским* союзником! В столкновениях имперских амбиций французы постоянно вынуждены были уступать англичанам – британцы только тогда помнили о договорных обязательствах, когда им необходимо было закрепить свою гегемонию.

Какую огромную свинью подложили англичане французам с Суэцким каналом, мы помним. Пришлось гордым галлам это проглотить. На Дальнем Востоке – в «котле ведьм» – они, как мы помним, бесцеремонно умыкнули у французов целую провинцию Гуанчжоу с важным портом Кантон. И это французы стерпели. Но если бы только это! Решая «средиземноморскую проблему», англичане не только «прихватизировали» Суэцкий канал и ловко переправили на Дальний Восток практически все военно-морские силы России, но и загнали французов так далеко вглубь Африки, что тем впору было спастись где-нибудь на вершине Килиманджаро. Для этого англичане использовали события в Судане.

Борьба против империалистической экспансии в Судане шла с 1881 г., когда под религиозными лозунгами «борьбы с неверными», в качестве которых рассматривались прежде всего англичане, но также и «примкнувшие» к ним египтяне и турки, развернулось широкое движение за независимость, наивысшим успехом которого стало провозглашение в 1885 г. независимого феодально-теократического государ-

ства в Судане. Независимый Судан просуществовал 10 лет, после чего английский парламент принял решение о «возобновлении активной политики» в этом районе. «Активная политика», по британскому обыкновению, велась не от своего имени, а от имени Египта. Это значит, что в качестве «пушечного мяса» использовалась египетская армия, и расходы в основном оплачивались из египетского кармана. Общее руководство всеми военными операциями было возложено на генерала Герберта Китченера, формально «поступившего на службу» к египетскому правительству.

Китченер, избрав в качестве основной стратегии продвижение вверх по течению Нила и используя в полной мере все технические достижения, к сентябрю 1898 г. завершил завоевание Судана и вроде бы мог считать свою миссию оконченной.

Неожиданно было получено тревожное известие о появлении в 400 милях южнее Хартума неизвестных туземных формирований во главе с офицерами-европейцами. Китченер немедленно погрузился всеми наличными силами на приданные ему корабли «нильской флотилии» (4 канонерки и пароход, волочащие на буксирах десантные баржи), и отправился выяснять, кто это осмелился перейти ему дорогу.

19 сентября англичане увидели с борта канонерок французский флаг, развевающийся над фортом Фашода. Это были 120 африканцев и 8 французов под командованием капитана Жана Маршана, проделавших марш-бросок из Сене-

гала. Последовали переговоры между Маршаном и Китченером, которые довольно трудно назвать дипломатическими, поскольку они мало соответствовали правилам этикета. Предмет переговоров, был, разумеется, традиционным – англичане бесцеремонно потребовали убраться вон, а французы апеллировали к тому, что форт Фашода никоим образом не принадлежит британской империи, и они не видят никаких законных оснований для удовлетворения их требования.

Переговоры несколько затянулись, поскольку Китченер, несмотря на всю спесь, не решался так вот прямо открыть по французам огонь, – все ж таки союзники, зачем устраивать такой большой скандал, а французы рассчитывали на поддержку из Парижа. Кроме того, все-таки пушки были не только на английских канонерках, но и во французском форте.

Наконец, 11 декабря над фортом взвился египетский (читай – английский) флаг, хотя французы изо всех сил оттягивали свою эвакуацию. Куда денешься – добрые и ласковые союзнички во главе с крайне обходительным и деликатным джентльменом лордом Гербертом Китченером имели подавляющее превосходство в силах.

Этот инцидент вызвал настоящую бурю возмущения во Франции. Национальная гордость была глубоко уязвлена. Доколе?! – этот крик повторялся во всех газетах и на площадях. Одно время казалось, что верховья Нила для французов значат больше, чем Эльзас и Лотарингия. Самые горя-

чие головы требовали начать войну. Министр иностранных дел Французской республики Делькассе пытался заручиться поддержкой России и даже Германии, чтобы разрешить «фашодский кризис» дипломатическими мерами. Обе попытки успеха не имели. Но не потому, что задираться с Англией из-за какого-то форта Фашода никто не пожелал.

Министр иностранных дел России Н.М. Муравьев, не колеблясь, ответил, что *«в данном случае, как и во всех вопросах, касающихся Египта, императорское правительство готово идти вместе с Францией и согласовывать свою позицию с французской»*.

Такая позиция России вполне соответствовала как ее союзническим обязательствам, так и собственным интересам в Египте, где она стремилась не допустить монопольного хозяйничанья Англии и не давать последней возможности закрыть по своему желанию Суэцкий канал. В октябре 1898 г., во время посещения Муравьевым Парижа, вопрос подвергся дальнейшему обсуждению. Президент Фор заявил ему, что Англия в Африке такой же враг Франции, каким она является для России на Дальнем Востоке, и «мы должны руководствоваться этим сознанием в нашей политике». После этого Муравьев ожидал, что Делькассе будет просить его о поддержке в переговорах с Англией. Однако такой просьбы не последовало. Французский министр оптимистически оценил ход переговоров с Лондоном и выразил надежду, что спор скоро разрешится полюбовно. Вследствие этого он не

хотел бы ставить вопрос о Фашоде как проблему общеевропейского значения, требующего поддержки со стороны России, а предпочитал придать ему «чисто колониальный характер».

Как видно, встретив решительную поддержку России, французы забеспокоились, как бы в случае успеха в переговорах с Англией не пришлось чем-то делиться с русскими, например, допускать в долину Нила русские войска. И были за это сурово наказаны: англичане решительно отказались идти на какие бы то ни было уступки. Роберт Солсбери надменно заявил: «Мы претендуем на Судан по праву завоевания, потому что это самый простой и действенный метод». Решающими доводами Англии были Средиземноморский флот и армия Китченера.

Вот где сыграла свою роль «дальневосточная кухня» – англичане вполне могли позволить себе крайнюю степень хамства по отношению к союзнику, поскольку главные силы флотов Франции, России и Германии находились далеко – на Тихом океане. Под диктовку Солсбери 21 марта 1899 г. было заключено соглашение, полностью удалявшее французов из долины Нила. Франция отказалась от притязаний на Фашоду, а Китченеру было пожаловано пэрство.

А ведь позиция России не ограничивалась дипломатическими реверансами. Почти одновременно с Муравьевым в Париже находился с визитом военный министр А.Н. Куропаткин, который был принят президентом Фором, встречал-

ся с военным министром Шануаном и начальником Генерального штаба Ренуаром. Все эти деятели ставили перед ним вопрос о желательности уточнить и дополнить военную конвенцию 1893 г. Речь шла не только о Германии, но и, что вполне естественно в той обстановке, об Англии. Куропаткин проникся сознанием важности этой идеи и поддержал инициативу Делькассе о подтверждении и конкретизации условий союза. Военный министр России считал также необходимым ответить вооруженной демонстрацией на сосредоточение английских сил у берегов Китая и вызывающие британские действия в Африке. 24 ноября 1898 г. он представил царю доклад о мерах по приведению в состояние боевой готовности войск Туркестанского и Приамурского округов, Закаспийской области и Квантунского полуострова. Николай II «вполне одобрил» предлагаемые мероприятия, считая «некоторые видимые приготовления» совсем не бесполезными ввиду «дерзких» вооружений Англии. О принятых шагах Куропаткин сообщил не только Муравьеву, но и французскому атташе Мулену. Последний хотя и был доволен, но не преминул выразить мнение, что лучшим способом давления на Англию явилась бы постройка железной дороги Оренбург-Ташкент, которая соединила бы центр России с Закаспийской линией и позволила бы максимально быстро перебрасывать русские войска к границам Индии. Проект строительства такой дороги обсуждался самим российским правительством. Его осуществление упиралось в недостаток

финансовых средств. Займы думали получить у заинтересованной Франции. Ходатайствуя об этом, царь обещал французскому послу Монтебелло держать вопрос о сооружении этой линии под своим личным контролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.